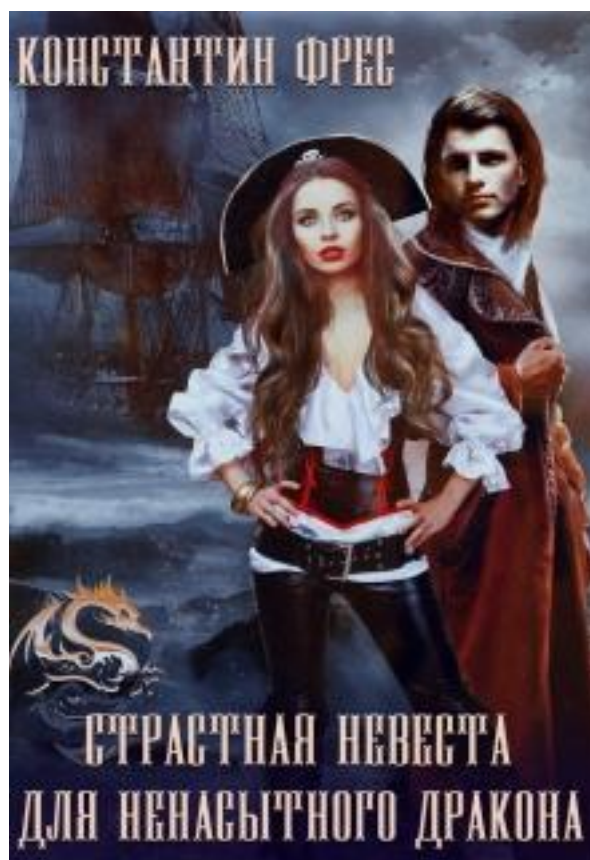


КОНСТАНТИН ФРЕС



СТРАСТНАЯ НЕВЕСТА
ДЛЯ НЕНАСЫТНОГО ДРАКОНА

Константин Фрес

**Страстная невеста для
ненасытного Дракона**

«Литнет»

2019

Фрес К.

Страстная невеста для ненасытного Дракона / К. Фрес —
«Литнет», 2019

В ее мире драконы - это кровожадные монстры, чудовища. Легенды гласят, что они не знают пощады и жадно пожирают тела людей. Она неукротима, как шторм на море, она - капитан пиратов. В его мире - он отпрыск знатного аристократического рода, избалованный, развращенный и пресыщенный удовольствиями. Гарем его полон красавиц, но сердце его свободно. Ей нужен секретный ингредиент - шкура Дракона, - для приготовления зелья, которое навсегда избавит ее от странных приступов, делающих ее все слабее и грозящих однажды убить ее. Он же просто патрулирует морские границы и отлавливает пиратов. Казалось бы, разве есть между этими двумя какая-то связь?..

© Фрес К., 2019

© Литнет, 2019

Содержание

Глава 1. Новая наложница для Господина Дракона	5
Глава 2. Данкан	9
Глава 3. Капитан Клэр Непокорная	13
Глава 4. Волнение первой встречи	18
Глава 5. Зов крови	25
Глава 6. Ночь страстей	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1. Новая наложница для Господина Дракона

...Ежедневно Чудовище, Дракон, требует себе жертву. Молодую, полную сил девушку.

Говорят, он неутомим и ненасытен. На ее родине Драконов считают кровожадными животными. В сказках, в легендах и них рассказывают именно так. Чудовища с каменной чешуей, пожирающие человеческую плоть...

Говорят, жертвы Дракона сходят с ума. Они боятся до судорог его прикосновений и ждут только смерти от его стальных острых когтей.

И последняя, нечаянно попавшаяся в его ловушку – не исключение. Прикованная к столбу, подвешенная за руки на гремящие цепи, с замиранием сердца ожидающая своей участи, она с ужасом вслушивается в тихий шорох ткани и змеиной чешуи. Она слышит, как огромное тело монстра движется в темноте, чудовище обходит ее кругом, сверкая из темноты яркими золотыми глазами, рассматривает нагую девушку, оценивает красоту и свежесть ее дрожащего тела, выхваченного из тьмы лучом света, пробивающимся сверху, сквозь решетчатую крышку, закрывающую импровизированную темницу. Где-то за стенами ее темницы бьются, шумят волны. Море, предавшее ее; вынесшее к берегам, где живут эти кровожадные злобные твари, не знающие пощады.

Задышавшись от страха, напрягая зрения, всматриваясь в рокошующую громким жарким дыханием тьму, девушка не выдерживает – вскрикивает и заливается слезами, стыдливо поджимает ноги, стараясь скрыться от внимательного горящего взгляда. Кожа ее горит; воспаленное воображение рисует страшные картины, стальные когти, вспарывающие тело, льющуюся кровь, и потому от легкого, как дуновение ветерка, прикосновения к своему плечу девушка оглушительно вскрикивает и бьется в обхвативших ее крепких мужских руках.

- Тише, тише, - шепчет ей на ухо развратный и чуть охрипший от нетерпения голос неизвестного, хотя, кажется, страх и безумие жертвы ему нравятся. Горячее дыхание опалает ей щеку, неизвестный почти приникает губами к бьющейся под кожей жилке и чуть накусывает ее. Боли нет, не девушка оглушительно кричит и бьется, плача, чувствуя, как горячие губы скользят по ее шее, чуть касаясь, оставляя цепочку легких поцелуев, достигают ее дрожащего плеча. Обезумевшая от ужаса и долгого томительного ожидания жертва чувствует, как кто-то крепко прижимается к ней – сквозь тонкий пестрый шелк его одежды чувствуется тепло, жар сильного молодого тела.

Плеча ее касаются волосы, длинные, черные, блестящие, пахнущие духами; неизвестный, по-звериному шумно и жадно обнюхивая ее, поворачивает к себе спиной и снова обнимает, крепко прижимая к себе. Его руки скользят по ее бокам совершенно по-змеиному, остро отточенные ногти, которых так боялась жертва, чуть нажимают на ее обнаженную кожу, чертя розовые полосы. От бушующего в крови возбуждения и страха девушке даже легкое прикосновение кажется болью, она вскрикивает – и затихает, жадно хватая воздух губами, когда острый ноготь чуть касается ее соска и покалывает его, чувствительно и осторожно, дразня до неумного зуда, словно касаясь обнаженных нервов. Девушка стонет, выгибается навстречу ласкающим ее рукам, крепче упирается ногами в пол, но прикосновения остро отточенных когтей к ее соску все равно остаются легкими, дразнящими, е приносящими удовлетворения, и девушка всхлипывает, извивается, разожженное желание стекает по нервам вниз, в животик. Приятная пульсация наполняет его, меж ног у девушки становится влажно и горячо, и неизвестный снова прижимается, ощутив тонкий аромат ее желания, витающий в воздухе.

Почувяв, что сопротивление жертвы ослабло, вторая рука неизвестного, до того удерживающая девушку, ухватив ее поперек живота, расслабилась и легко скользнула вверх, завладела второй грудью, жадно ухватив приятную мягкость. Из напряженного горла пленницы вырвался сдавленный стон, она беспомощно повисла на цепи, сжимая трясущиеся колени, когда острые

ногти неизвестного принялись терзать и щекотать оба ее соска, все сильнее разжигая пожар желания – странного и противоестественного в этот момент.

Мужчина мягко принуждает ее откинуть голову ему на плечо, почти лечь на него, и продолжает оглаживать ее беспомощное тело, жадно лаская девичьи лилейно-белые груди. Ей кажется, что она попала в кольца змеи, горячие, сильные. Они движутся, трутся об нее, лаская кожу, натирают жесткой чешуей соски, поглаживая их крепко, настойчиво, заставляя девушку от нетерпения стонать и метаться. От этих умелых прикосновений, от неторопливых движений страх покидает ее; не пугает больше ни темнота комнаты, ни чудовище, таящееся во мраке. Кольца змеи все настойчивее трутся об ее покорное тело, и она с головой утопает в медитативном, почти наркотическом наслаждении, выгибается, хрипло стонет, подставляя свою ставшую неимоверно чувствительной грудь под ласки.

Когда острые когти осторожно зажимают ее соски и чуть тянут, на девушку обрушивается поистине волшебное наслаждение, она содрогается и почти кричит, выгибаясь, сама ласкаясь об обвивающее ее тело жесткое мускулистое змеиное тело, из ее напряженного горла вырывается то ли плач, то ли стон. Сейчас, утопая в блаженстве, она согласна погибнуть, согласна, чтоб обвивающая ее змея сжала сильнее свои объятья, остановила в стиснутой груди дыхание и удушила, утопив сознание в смеси неимоверного блаженства и боли. Но ласки остаются неторопливыми, осторожными, не дают той остроты, что так жаждет пленница, и та тихо рыдает, дрожа и балансируя на грани наслаждения, которое касается ее тела пожаром и отступает в самый последний момент.

- Пожалуйста, - шепчет она, стыдливо сжимая ноги, когда наркотический дурман проходит, наваждение рассеивается, а ладони неизвестного, наигравшись с ее грудью, медленно опускаются вниз, исследуя ее дрожащее тело, лаская ее кожу с выступившим на ней тонким горячим потом. – Отпустите меня... Не причиняйте мне зла, пожалуйста!

- Зло? – тихо произносит он, посмеиваясь. Его руки ложатся на ее часто вздымающийся животик, затем ниже – на чувствительный треугольничек меж ног и, наконец, на бедра, на самую мягкую внутреннюю поверхность, принуждая их раздвинуться, и девушка покорно представляет ноги, словно замороженная его голосом. – Обещаю – я не причиню тебе боли.

- Не отдавайте меня чудовищу... - пискнула девушка, млея под ласкающими ее руками, извиваясь, потому что гибкие пальцы неизвестного проникли меж ее ног, раздвинули половые губки и погладили там, в самом мокром, самом чувствительном и нежном месте, так неспешно, так чувствительно, что она не смогла скрыть накатившего на нее стыдного возбуждения. Приплясывая на самых кончиках пальцев, она шумно дышала широко раскрытым ртом, цепляясь скованными руками за цепи и послушно прогибаясь в пояснице, расставляя ноги шире, чтобы ласкающей ее руке было удобнее двигаться. Свет, льющийся сверху, бликует на ее влажной от горячего пота коже, очерчивает соблазнительные ягодички, стройные напряженные ножки, чуть подрагивающие от нетерпения.

Его пальцы становятся мокрыми и скользкими, острые когти отыскивают меж ног возбужденный бугорок и осторожно прихватывают его, так тонко и чувствительно, что девушка воет, извиваясь, у нее подгибаются колени, но она упрямо не сводит трясущихся ног. Весь мир прекращает для нее существовать, превращается в черную пустоту, и существует только одно – горячее возбуждающее ощущение меж ее ног, почти невыносимое жжение, которое не стихает даже тогда, когда пальцы второй руки мужчины, скользнув по дрожащим ягодицам, спускаются меж ее расставленных ног и осторожно поглаживают мокрую, сочащуюся ароматной смазкой дырочку. Девушка воет, скулит и бьется, из горла ее рвутся рыдания, она повисает на звенящей цепи, а безжалостные руки продолжают ее ласкать – неспешно, чувствительно, до хриплых непрекращающихся криков, до стонов, до судорог, корчащих все тело.

- П-пожа-а-а...

Девушка повисает на цепях, хрипло и часто дыша. Мужчина оставляет ее, обходит, становится перед ней, закрывая собой свет. Девушка поднимает голову, с трудом открывает глаза, чтоб рассмотреть своего странного мучителя.

Ожидая увидеть что угодно, она видит перед собой просто человека. Высокого и стройного, пожалуй, даже по-юношески худощавого. На вид ему не более восемнадцати, но стоит улыбке тронуть его красиво очерченные губы, наваждение рассеивается, и этот странный, пугающий человек кажется древним, как звезды на небе.

Матово-белая кожа его сверкает в темноте как снег, миндалевидные глаза под ровными черными бровями черны как беззвездная ночь, их внимательный взгляд гипнотизирует. Длинные волосы цвета воронова крыла густы, заплетены на висках в косы и лежат на плечах блестящим покрывалом.

Его красота странная, какая-то сверхъестественная, в правильных чертах его лица есть что-то магическое, а во взгляде скользит высокомерие высшего существа, и девушка на миг теряет способность говорить, когда он неслышно подступает к ней ближе. Его рука с остро отточенными ногтями, блестящими словно алмазы, поднимает ее лицо к себе за подбородок. От его пальцев пахнет ее возбуждением, и девушка вздрагивает, напуганная его пристальным, немигающим взглядом, который словно проникает в ее душу и перечитывает ее мысли.

- Не отдавайте меня чудовищу, - униженно скулит она, и он, рассматривая жертву, неторопливым движением распускает широкий пояс своего шелкового черного халата, украшенного пестрыми узорами на полах и широких рукавах.

- Но я и есть чудовище, - тихо отвечает он, улыбаясь.

Дракон гибко потягивается, чуть шевелит плечами, и гладкий шелк падает к его ногам.

Два жарких тела сплетаются, голодные губы Дракона накрывают сосок девушки, сжимают его. Мужчина жадно втягивает нежную мякоть в рот, стараясь вобрать как можно больше плоти, словно и в самом деле собирается пожрать свою пленницу, посасывает и ласкает сосок гибким длинным змеиным языком, сжимает девушку в своих объятьях, и она кричит, запрокинув голову, извиваясь в его руках. Подхватив ее под ягодицы, Дракон приподнимает девушку, ее ноги обхватывают его талию, и девушка пронзительно вскрикивает, когда его возбужденная плоть проникает в ее тело, медленно, с трудом, растягивая нежные ткани.

Ласкающийся мужчина словно не слышит этого вскрика. Его жадные губы все так же ласкают, посасывают грудь девушки, жесткие пальцы растягивают ее ягодицы, и девушка, дрожа всем телом, ощущает, как его член начинает двигаться в ней, сначала осторожно, затем все смелее, все резче. Наслаждение накатывает на нее пьянящей волной, она жалобно стонет, ощущая себя действительно жертвой, вещью, отданной на растерзание и принадлежащей тому, кто сейчас ласкает ее тело, наслаждаясь им, прикусывает в страсти соски, царапает острыми когтями горячую кожу. Дракон приподнимает ее за ягодицы и с силой насаживает ее на свой член, отчего глубокие сильные толчки в ее теле становятся непереносимыми и она кричит, бьется в невероятном экстазе. Задыхается, откидываясь назад и повисая на руках, чувствуя, как его ладонь, оглаживает и тискает ее горячую грудь, наслаждаясь беспомощной дрожью, трепетом покорной жертвы.

Его ладонь поддерживает ее под бедро, ногти впиваются в кожу глубоко, почти до боли, но девушка не ощущает этого. Неистовые сильные толчки его члена сводят ее с ума, и снова ей кажется, что плотные змеиные кольца обвивают ее тело, а в лоне движется что-то чудовищно огромное. Она вскрикивает, пытаясь заглянуть меж своих ног, но его рука мягко отталкивает ее, снова заставляя откинуться назад, беспомощно повиснуть на цепях и отдаться целиком утягивающим в омут безумия ощущениям. Сколько это может длиться? Час, два? Всю ночь? Бесконечная ночь сладкого, невероятно прекрасного страдания, криков, стонов, жадных ласк, горячих рук, которые, казалось, оглаживают все ее тело так, словно оно и в самом деле при-

надлежит и всегда принадлежало этому ненасытному мужчине, который словно пожирает ее душу, овладевая ее телом так полно и жадно, что ее сознание уплывает и растворяется.

Дракон гладит ее везде, его пальцы ощупывают каждую складочку, каждое потаенное местечко с бесстыдностью любопытного ребенка, и девушка захлебывается от удовольствия, которое приносят ей его бессовестные пальцы. Казалось, время встало; криков, стонов и обжигающего наслаждения было так много, что девушка почти на грани обморока. Даже острые ногти, покалывающие чувствительную точку меж ее ног, не могут расшевелить девушку, та стонет тихо и еле слышно, и Дракон посмеивается, двигаясь в ее истерзанном лоне медленно осторожно, плавно, чтобы не причинить боли. Все существо девушки, казалось, превратилось в сплошное наслаждение, она не видит и не слышит ничего, не ощущает прикосновений. Шлепки влажных тел становятся все чаще, все жестче в ее лоно входит его напряженный член, и девушка кричит и бьется в его руках в последний раз, чувствуя, как Дракон сжимает ее с хриплым стоном, кончая, и его горячее семя льется в ее тело.

Глава 2. Данкан

Над морем разлился солнечный свет, волны, покачивающие корабль, были похожи на гладкий смятый шелк, чуть колыхнувшийся от легкого бриза.

Запахивая полы легкого шелкового пестрого халата, небрежно затягивая широкий пояс, из кают, расположенных на полуюте, вышел мужчина, совсем юный и по-юношески стройный на первый взгляд. Свежий ветер тотчас налетел на него, холодными ладонями касаясь разгоряченной влажной кожи, остудил мокрые виски, колыхнул гладкое покрывало черных волос, лежащих на плечах. Мужчина закрыл темные глаза, сладко потягиваясь, и с наслаждением подставил лицо ветру, позволяя ему подсушить заплетенные на висках волосы и остудить разгоряченное после ночи любви тело.

Новая наложница - так уж вышло, - спала в растерзанной, смятой постели. Она не двинулась, не открыла глаза даже когда он проснулся, чуть сдвинул ее расслабленное тело, снял со своего плеча ее голову и уложил девушку на ту часть постели, белье на которой было прохладным от утреннего воздуха. И проспит она еще долго, судя по всему... что ж, ей можно будет уделить внимание вечером, а пока – дела.

Стоило только пестрой в бьющихся на ветру шелках фигуре появиться на палубе, как рядом тотчас оказался боцман – человек аккуратный, собранный, внимательный и мрачный, как ворон, нахохлившийся на суку мертвого дерева.

- Хорошо ли спали, господин Командор, - сухо произнес он, скорее отдавая дань уважения, чем действительно интересуясь. Всем на корабле, от капитана до самого последнего матроса, было известно, как проводит свои ночи тот, кого называют Командором. Днем корабль под названием «Буревестник» под началом того, кого называли Командором, дрейфовал в море, не очень далеко от берегов, а ночью...

Боцман, очень аккуратный и даже дотошный в мелочах человек, приглаженный и опрятный, на одежде которого были застегнуты абсолютно все пуговицы, а пряжки на башмаках и поясе начищены до блеска, просто плечами передергивал от мерзости при мысли о том, чем занимался Командор ночами. Безобразие на корабле! С таким отношением Командора к делу весьма сложно сохранить железную дисциплину. Крики и стоны его рабынь не давали покоя матросам. Впрочем, самому Командору было глубоко плевать на то, что думают о нем и о его способах развлечения его подчиненные. А покуситься хоть на одну его женщину, которых у него теперь, к слову, было четыре, не отважился бы ни один матрос. Одного взгляда его недобрых черных глаз было достаточно для того, чтобы осадить самого ретивого мечтателя и желающего женской ласки, и потому бунтов на корабле не было.

«До поры, до времени, - зло думал боцман, пряча лицо от ветра, который с утра был, пожалуй, слишком свеж. – Это не дело, не дело...»

- Да, благодарю, - меж тем ответил тот, кого называли Командором, с удовольствием вдыхая холодный воздух, пахнувший соленым дыханием моря. В то время как боцман отворачивался от жалящего его холода, Командор в легком шелковом халате наслаждался свежестью утра. Его кровь была слишком горяча, в ней горел огонь, и боцман поймал себя на мысли, что Командор – будь его воля, - просто скинул бы свои пестрые тряпки на палубу и прыгнул бы освежиться в голубые шелковые волны. – Есть что-нибудь интересное?

- Нет, господин Командор, - ответил боцман с вежливым поклоном. И снова недовольно поморщился. – Никаких новостей.

Последняя новость и последнее событие – спасенная девица, носящаяся по волнам, уцепившись за балку корабля, - сейчас спала в каюте Командора. Капитан велел выловить бедняжку из неласковых волн; ему она показалась подозрительной, он настаивал, что она шпионка – уж больно она боялась слова «Дракон», просто в истерике зашлась, когда узнала, что

Дракон лично хочет поговорить с нею, - но Командор отверг эти подозрения... гхм, весьма оригинальным способом.

В ответ на слова боцмана Командор кивнул головой и неспешно направился к помещению, где намеревался позавтракать, вероятнее всего – в компании капитана.

Несмотря на кажущуюся свежую молодость, Командора боялись. Он был фигурой если не первой в государстве, то и далеко не последней. Занимая высокое положение, прислуживая лично правящему Дракону, он был достаточно богат, а являясь Драконом – еще и чертовски опасен и силен, несмотря на обманчивую внешнюю хрупкость. Именно поэтому ему и доверили эту миссию – патрулировать прибрежные воды.

Дело было в том, что с недавних пор купцы, привозящие свои товары со всего света в порты Суиратона, начали жаловаться, что на торговых путях вдруг появились пираты – дело само по себе невероятное, неслыханное! Нападая на корабли, они не только грабят, но и убивают всю команду с какой-то неистовой яростью, и особенно жестоко они поступают с теми из кораблей, что несут на себе знак принадлежности Дракону – любому, вне зависимости от его имени, положения и знатности. Стоило капитану корабля поднять флаг с символикой Дракона, как негодяи налетали на него и не оставляли и целой щепки от судна. Ограбленное, с перебитой командой, судно нещадно расстреливалось из всех пушек и поджигалось, чтобы до дна достигли одни лишь бесформенные головешки, кое-как скрепленные меж собой железом. Разбойники словно кидали вызов правящему Дракону; они злили его, и каждый сгоревший корабль был словно пощечина правителю.

Одновременно с тем в местах, где проходили бои, королевские силы – как обычно, опаздывающие к основным событиям, - начали находить странных людей. Обычно это были либо рыбаки на утлых лодчонках, полузатопленных, залитых бушующими волнами. Дико озираясь, почти обезумев, словно свалившись с неба, они бормотали какую-то чушь о похитившем их вихре. Или женщины – были среди спасенных и они, - из последних сил цепляющиеся за обломки, качающиеся на волнах.

Рыбаки, трясущиеся от ужаса, уверяли, что вышли в море на лов и вдруг оказывались далеко в открытом море, в незнакомой им местности. Женщины же в основном истошно вопили, плакали, и толком не могли ничего пояснить. По всему выходило, что они просто прогуливались по берегу, или стирали белье на своем привычном месте, как вдруг неведомая сила подхватывала их и уносила в открытое море, бросая и оставляя там на погибель.

Притом все эти странные спасенные называли весьма необычные, непривычные уху незнакомые названия городов и селений, откуда злой рок вырвал их, лишив семьи, дома и привычной жизни. Язык, на котором они изъяснялись, казался удивительно схожим с тем языком, а которым разговаривали королевские посланцы, но как будто более груб, гортанен, словно говорившие были иноземцами, выучившими местную речь и говорящими с акцентом. Названий местности, в которую их занесло лихим ветром, спасенные тоже не знали, да и не слышали о ней ни разу в жизни, а при слове «Дракон» впадали в ступор.

Странно было это все; и чем больше происходило этих непонятных и неприятных вещей, тем больше правящий Дракон, Эрик, убеждался в том, что здесь не обошлось без какой-то странной магии, разрывающей границу между мирами и впускающей пиратов в море – а за одним и затягивающих случайных людей, находящихся поблизости с пиратским кораблем. И искали пираты, похоже, самого Дракона, судя по одержимости, с какой она нападали на корабли, принадлежащие ему.

Эрик злился; а Данкан – Командор, - шурил свои черные глаза, вспыхивающие золотыми искрами, и ухмылялся недобро.

- Позволь мне, - мягко произнес он, - выйти в море. Море – это моя стихия, оно не обманет и не предаст меня. Я чувствую биение его сердца, я услышу, где и что происходит.

Они хотят встречи с Драконом – они могут получить ее. Думаю, это послужит им хорошим уроком... на ближайшую пару дней до казни.

Эрик недовольно дернул плечом.

- Не боишься? – быстро спросил он, сверкнув золотыми змеиными глазами. – Они ясно дали понять, что не питают верноподданнических чувств к Драконам. Более того – я уверен, они хотят убить одного из нас – или всех, кто попадет им в руки. Это их цель; и предоставлять им такую возможность было бы глупо.

- Не боюсь, - спокойно ответил Данкан, шурясь, словно довольный сытый кот. – Я присутствовал при допросах занесенных в наши края людей. Все они варвары, - в голосе Данкана проскользнуло такое жгучее презрение, что хватило бы, чтоб вся команда пиратского корабля возненавидела его еще сильнее, до колик. Он брезгливо поморщился, приподняв губу и демонстрируя ровные красивые зубы. – Дикари. В их краях Драконы существуют лишь в полузабытых легендах, и это всего лишь злобные животные, лишенные разума. Способы борьбы с Драконами эти дикари выдумывают самые забавные, - Данкан усмехнулся. – Например, сжечь. Или отрубить голову, - он расхохотался, показывая острые клыки, - но при этом ни один из них слыхом не слыхивал о таковданской стали, которая единственная может ранить Дракона.

- Однако ж, - справедливо заметил Эрик, - в их мире Драконов нет. Вероятно, варвары не так глупы, как кажется. Может, у них существует тайное оружие, у этих пиратов, коль скоро они так смело нападают.

- Может, - легко согласился Данкан. – А может, они просто самонадеянные идиоты. Или фанатики – как знать? К тому же, - голос его стал вкрадчивым, - они даже представить себе не могут, что Драконом могу быть я, к примеру. Магия такого рода им не знакома совершенно. Один из них, из этих рыбаков, в красках живописал мне битый час, насколько Драконы любят поглощать сырую человеческую плоть, - тут Данкан расхохотался совсем уж непочтительно, - и как они прожорливы. Когда я спросил, не может ли стать так, что дракон сейчас притаился среди людей и слушает эти непочтительные речи, рыбак посмотрел на меня как на умалишенного. Но все же, - Данкан снова сощурил хитрые глаза, в которых, словно кубики льда в темном вине, плавали искры смеха, - он снизошел до ответа. Он сказал, что Дракон – это такая огромная кровожадная скотина, он не смог бы сидеть смирно среди людей и не жрать их. К тому же Дракон людской речи не понимает, и все слова людей ему безразличны.

Эрик молчал, переваривая информацию.

- Так ты позволишь, государь, - почтительно поклонившись, поинтересовался Данкан, - попробовать мне выследить этих мерзавцев? Опасность быть убитым существует, не стану лгать; но что-то с этими пиратами делать надо. Они хотят Дракона; они его получают. И пусть тогда пеняют на себя.

После завтрака, наслаждаясь морской прохладой, Данкан велел своим наложницам – тем, что отдохнули после долгой ночи, - привести в порядок его черные длинные волосы и как следует отполировать его ногти.

По велению Командора матросы вытащили на палубу, где устроился Данкан, небольшой столик, на котором женщины разложили все необходимое для утреннего туалета Дракона – зеркало, гребни, - и покуда одна осторожно расчесывала его длинные черные пряди, вторая алмазной пилкой по очереди наостряла ему блестящие, крепкие, как камень, ногти. Данкан, удобно устроившись в кресле, попивал вино, блаженствуя. Нежные прикосновения девушки, заботливо склоняющейся над ним, к его волосам, усыпляли его, улучшали его настроение, и Данкан игриво изволил притянуть девицу к себе и, озоруя, куснуть ее за грудь, едва прикрытую тонкой, почти невесомой тканью.

Девушка зарделась, ахнула от страстной бессовестной ласки, и Данкан, поглаживая ее спинку, усмехнулся. Еще недавно девица эта вопила от ужаса и тряслась, умоляя не отдавать

ее Дракону на съедение, а сегодня с удовольствием ухаживает за ним и, ревниво сжимая губы, одаривает недобрым взглядом новенькую – ту самую, что последней выловили в море и с которой Данкан провел эту ночь.

Новенькая девушка, скрывая зевоту, аккуратно точила ногти Данкану – те самые, которые оставляли ночью красные следы на ее коже, а потом нещадно терзали ее, доводя до неумолимой дрожи. Осторожно перебирая длинные крепкие пальцы своего господина, она вспыхивала стыдливым румянцем, когда Данкан решал пошалить и чуть прихватывал ее руку, накалявая острыми ногтями мягкую девичью ладонь. Тогда девушка смущалась, вспыхивала, поднимала взгляд и встречалась со взглядом Дракона. В его черных глазах читала она желание и страсть; его пальцы осторожно принимались поглаживать ее руку, вырисовывая узоры подушечками пальцев, и девушка смущалась еще больше, задыхалась от нахлынувшего волнения и от воспоминаний о том, как могут ласкать эти пальцы. А девушка, сплетая черные волосы на висках Дракона в тонкие косы, хмурилась и с досадой кусала губы, терзаясь от ревности.

Эта идиллия могла бы длиться вечно; девица, воззящаяся с косами Данкана, могла либо погибнуть от ревности, либо выжечь ненавидящим взглядом дыру в новенькой, а сам Данкан, как следует поразмыслив, мог их обоих позвать в свою спальню ночью, чтобы примирить единственно доступным ему способом, если бы на горизонте вдруг не возникло странное темное пятно, словно спрут пустил в безоблачную синеву неба своих чернил. Вспухшие фиолетовые облака на миг закрыли солнце, чернильные щупальца-лучи расплзлись по потемневшей воде, и Данкан подскочил с места, кинулся к борту корабля, устремив горящий взгляд на странное явление.

- Вот они, - прошептал он, скорее угадав, чем увидев в черно-фиолетовой мути хлопающие паруса. Глаза его разгорелись золотым огнем, дрогнула яростно узкая полоска зрачка. – Попались!

Корабль под черным флагом на всех парусах шел наперерез «Буревестнику», и Данкан, жестом потребовав у вездесущего боцмана, который словно по волшебству оказался рядом, подозрную трубу, глянул на пиратское судно вооруженным глазом.

- К бою готовиться, - велел Данкан резко, рассматривая вражеских матросов, карабкающихся по вантам. Всю его вальяжную расслабленность с него словно рукой сняло, сквозь тонкие черты человека проступили какие-то иные – опасные, холодные, резкие. - Девиц хорошенько запереть, чтоб никто не добрался до них! Сейчас мы посмотрим, какого цвета их кровь...

Глава 3. Капитан Клэр Непокорная

Приступ медленно проходил, оставляя в покое истерзанное болью тело. Горящие огнем мышцы расслаблялись, руки, комкающие промокшую от пота простыню, расслабились, и Клэр, переводя дух, вытянулась на узкой койке, невидящим взглядом в потолок.

Было жарко; было нестерпимо жарко, волосы прилипли к мокрым щекам, к шее, ко лбу, когда она металась в бреду, терзаемая жесточайшей в мире болезнью, названия которой не знали даже старые знахари.

Ее тело просто переставало ее слушаться и начинало гореть. Этот жар мог продолжаться весьма недолго, и Клэр – если ей случалось быть на капитанском мостике, – возносила хвалу небесам за то, что у нее остаются силы и время на то, чтобы успеть дойти до своей каюты, запереться, задвинуть засов непослушными пальцами, которые, казалось, обугливаются от жгучей боли, и прихватить крепкими зубами почти перегрызенную дубовую палку.

От боли она кричала, извиваясь и корчась, как еретик на костре. Ей казалось, что все ее суставы выламываются, крошатся, мышцы рвутся, словно гнилые нитки, и она лишь усилием воли удерживает себя от того, чтобы грудь ее не вскрылась, обнажив бьющееся горячее сердце.

В эти страшные минуты, наполненные страданием, длящиеся бесконечно, ей казалось, что если она не выдержит, если она не перенесет боли, ее не станет. Тьма поглотит не только ее тело, но и пожрет душу, и тогда всему настанет конец. Мир рухнет, ее разум потонет в безумии, и станет совсем плохо...

Клэр выла и билась, чувствуя, как кожа ее горит, словно кто-то разрисовал ее острым лезвием, оставив тысячи кровоточащих насечек, и усилием воли держала, держала затухающую искру разума в голове, долго, невыносимо долго, пока боль, наконец, не отступала и не утихала, как покоренный шторм, уступивший упрямому капитану. Клэр, тяжело дыша, стихала тоже, бессильно обмякнув на постели.

Приступы начались у нее недавно. Или давно – если измерять время часами, наполненными болью, страданием и ужасом. Года два назад первый из них – не самый сильный и не самый страшный, – скрутил ее, и она полночи билась и рыдала, чувствуя, как тьма подступала к глазам, грозясь затопить весь мир. Было очень страшно; впервые за свою недолгую жизнь Клэр познала настоящий ужас.

Что нищета, что голод?

Эти вещи она познала слишком рано. Сирота, выкинутая безжалостной рукой на улицу еще во младенчестве. Добрые люди подобрали ее едва ли не в сточной канаве, не дали погибнуть, но жизнь ее радостнее и беззаботнее они сделать не могли.

С самого раннего детства Клэр знала, что такое тяжелый труд. Носить воду, таскать тяжелый уголь в мешках, натирать до блеска полы... и получать за это мало, слишком мало. Краюшку хлеба и, быть может, кусочек вяленого мяса в удачный день. Можно было есть бананы и апельсины, растущие в роще неподалеку, но ими разве насытишься, если приходилось таскать тяжести и целыми днями с поручениями бегать по городу.

Ею помыкали; ее унижали, а потом хозяин увидел ее приступ. Она металась, визжала и билась, как кошка, с которой заживо спускали кожу, и ее крепки зубки перекусили чурку, которую она привыкла зажимать, чтоб никто не слышал ее криков.

Именно тогда она услышала брезгливое и страшное, как как раскаленное клеймо, слово «одержимая».

- В мешок ее зашить да утопить, – прошипел хозяин с отвращением, отряхивая ладони хранящие влагу ее тела. Пот, слюни, кровь – она все же искусала себе губы и язык, когда спасительной деревяшке пришел конец. – Еще припадочных тут не хватало.

Клэр только пришла в себя, тело ее все еще дрожало после пережитой боли, но разум работал на удивление ясно и холодно.

Что?!

Утопить?!

Клэр знала, что хозяин слов на ветер не бросает. Это была не шутка, не сгоряча высказанная досада и неприязнь – это был приказ, простой и страшный в своей простоте. Чьи-то крепкие руки ухватили ее за лодыжки, сдергивая с деревянного топчана, и Клэр поняла, что от смерти ее отделяет всего лишь три биения сердца. Три кратких мига.

Раз – и она уселась на своей жестко, грязной постели, отталкивая руки того, кто грубо тащил ее с рваных тряпок.

Два – и ее рука, крепкая и сильная от тяжелой работы, скользнула за пояс того, кто собирался утопить ее, как едва народившуюся собачонку.

Три – и нож вспарывает его живот, четко и точно, от пупка и до грудной кости.

Человек кричит и падает, зажимая ладонями зияющую рану. Клэр не смотрит на него; она знает, что он не жилец. Не думать, не думать о тревожном сладком запахе крови...

Он щекотал ноздри, манил и дразнил...

- Деньги, - выдыхает Клэр хрипло, нацелив окровавленный нож на оторопевшего хозяина, прокисшей рыхлой бадьей осевшего в углу. – И быстро, шкура. Не то присоединишься к этому, - она кивнула на слугу, корчащегося в луже собственной темной крови, выползающей из-под его живота.

- Я знал, - с ненавистью выдохнул хозяин, сверля ее взглядом. Глаза водянистого, невнятного цвета, в них – животный страх и ненависть. – Мне говорили, что юродивых надо уничтожать сразу, как только родились, иначе жди беды. Грязные жестокие животные...

Клэр не помнила, как она оказалась рядом с этим человеком - большим, сильным, - и как ее нож, вонзившись в его печень, дважды провернулся там с садистским наслаждением.

Она, крохотная тонкая девчонка, сейчас возвышалась над ним, и он плевался кровью, серея от боли.

- Грязное жестокое животное, - с наслаждением произнесла Клэр, всматриваясь в умирающие, гаснущие глаза того, кто еще вчера имел над ней власть и называл себя ее хозяином, - тут ты. Не подними ты на меня руку – ничего б и не было.

Она попробовала крови. Тогда, над еще живым человеком. Она лизнула нож, вырванный из его тела, и почувствовала на языке сладкую, живую, теплую кровь. И этот запах затуманил ее рассудок.

Теперь, по прошествии стольких лет, приступы стали еще чаще и еще сильнее. Клэр чувствовала их приближение заранее; глядя в ночную мглу, она вдруг начинала видеть кровавое зарево над бушующим морем и слышать ток собственной крови в пульсирующих венах. Она закрывала глаза, подставляя лицо соленым брызгам и ветру, но те не могли остудить разгорающийся жар в ее теле. Это было верным знаком, что скоро приступ повторится и тьма подступит ближе на шаг, усядется на грудь и будет мучить, заглядывая в душу.

Ни один врач не мог сказать, что с ней. Добытые пиратским счастьем золотые без толку сыпались в карманы лекарей – они осматривали Клэр, слушали ее сердце и находили ее абсолютно здоровой. Совершенно! Не помогали пилюли и порошки; даже из глубокого сна боль и страдания выдергивали ее, и Клэр роняла слезы бессилия, когда эта пытка, изматывающая ее все больше, прекращалась и наступал покой... но надолго ли?

Клэр знала, что нет. Месяц, полтора, и все повторится вновь. Собственное тело предавало ее, становилось источником муки. Красивая, статная, молодая женщина, Клэр с тоской понимала, что никому она не нужна, никогда ей не найдется тот, кто полюбит ее и сделает женой, матерью своих детей. Кому нужна больная, юродивая, припадочная? Кто захочет целовать ее губы, если хоть однажды увидит на них кровавую пену и услышит нечеловеческое рычание,

срывающееся с них? Кто захочет смотреть в ее глаза – прекрасные, шелково-карие, цвета переспевшей влажной вишни, под сенью густых, черных, как ночь ресниц, – если хоть однажды увидит, как они закатываются и наполняются тупым беспамятством? Кто захочет ласкать ее длинные черные локоны, если увидит их включенными, спутанными, словно солома? И кто захочет в свою постель ее тело, молодое, сильное, с кожей дивного теплого цвета, словно самая дорогая слоновая кость, с манящими изгибами, с длинными ногами и такими прекрасными, такими нежными руками, если каждую ночь оно может забиться, рана и себя, и окружающих?

Любовь была ей недоступна. Нежность, обычные человеческие чувства – всего этого приходилось ей сторониться всю жизнь. Навсегда пришлось запретить самой себе мечтать о тихом и уютном доме, о простой жизни, в которой нет места опасности и кровавой резне.

И от этих мыслей Клэр только еще больше свирепела, и жажда крови просыпалась в ее разуме все чаще. Все яростнее рубилась она в боях, не щадя ни себя, ни врагов, желая утопить весь мир вокруг себя в страхе и крови, все жаднее ее команда грабила, не оставляя даже крохотной частички золота побежденным. Из ушей вырывались серьги, с пальцев стаскивались кольца... Да только грабеж и разбой не мог потушить живущей в ее сердце боли. И вечерами, пересыпая с ладони на ладонь звенящие монеты, Клэр тихо плакала, понимая, что имея в этом мире все, она не имеет власти над собственной судьбой и тело ее ей неподвластно.

Сколько раз она искала в бою смерти! Ни от одного, даже от самого рискованного дела, она не отказывалась, и чем опаснее предстоял налет, тем с большей горячностью она бралась за приготовления к нему. Имя безжалостной Клэр Непокорной заставляло торговый люд плохо спать ночами. Прочие пираты побаивались ее, потому что не единожды она вызывала на поединки самых отпетых мерзавцев – за косой взгляд, за неловко брошенное слово, не говоря уже о неуважительном смехе. Женщина! Что она может? Клэр не вступала в споры. О ее возможностях красноречиво говорил ее клинок, пронзающий сердце противника, изумленными гаснущими глазами глядящего на хлещущую из груди кровь.

Саму же ее стали щадить; смерть, словно издеваясь над Клэр, упорно обходила ее стороной, и ни одна сабля не посмела подарить девушке свой поцелуй. Погибнуть в бою – что может быть лучше? Выстрел, укол стали в сердце – и душа отлетает туда, где ей уготовано место. Но смерть издевалась, обходя Клэр стороной. Скалила свои искрошившиеся зубы, костлявыми пальцами пригребала к себе ее верных матросов, канониров, помощников – а ее оставляла на потом, отодвигала, заставляла страдать в мучительном ожидании.

А бояться было чего.

Каждый новый приступ был все сильнее и глубже, и после, отходя от боли и страха, Клэр чувствовала, что тело ее становится все слабее, жизнь потихоньку, по капле утекала из него. И наступали тягостные раздумья – а дальше что?! Неподвижность? Немоощь? Медленное мучительное угасание? Только не это! Клэр видела немало калек и больных, не способных двигаться. Они лежали под палящим солнцем, на любом базаре в любом портовом городе их было предостаточно. Рядом с ними ставили чашку, куда сердобольные люди кидали монетки на пропитание, и несчастный калека не мог даже защитить свои скудные заработки, если какой-нибудь вор, пробегая мимо, вздумает опустошить чашку, высыпав ее содержимое себе в карман.

Нет; такой доли себе Клэр не желала. Лучше смерть от сабли! Но...

– Капитан, – после очередного приступа Клэр отходила непривычно долго, силы не возвращались в ее тело, и ночь растянулась, казалось на целую вечность. Только к рассвету Клэр смогла двинуть рукой, со стоном попыталась сесть – и снова рухнула в промокшую от пота постель. Судовому врачу, единственно верному ей человеку, поднесшему ей укрепляющего питья, пришлось поддерживать ее голову, чтобы она могла попить. – Вам нужно что-то с этим делать. Не то...

Клэр сжала зубы, чтоб не разреветься, скрывая свой страх прикрыла лицо рукой, сделав вид, что оттирает катящийся градом болезненный пот. Она знала, что будет с нею, если команда

поймет, что капитан их больше не может защититься. Если неподвижность... если бессилие... те, кого она вчера вела в бой, завтра могут навалиться на нее толпой, как оголодавшие хищники, и тогда...

- Старая ведьма, что живет на одинокой скале, - произнес врач, твердо глядя в ее глаза, все еще затуманенные от перенесенной боли. – Она лечила того юродивого, что не мог даже ложку ко рту поднести. Сейчас он кузнец; и к тому же, он избавился от косоглазия.

Клэр помолчала, переваривая информацию.

- Иного способа нет, - сухо продолжал врач, расценив ее упрямое молчание как страх. – Может, она и не погубит вашу душу... может, все это сказки – про демонов, терзающих после смерти, - и бездна не так страшна, как о ней говорят?

- Она ужасна, - тихо ответила Клэр. – Ты просто не видел ее, а я заглядываю в ее голодные глаза постоянно.

- Жизнь может оказаться страшнее пустой бездны, - сурово сказал врач. – А люди страшнее демонов. Старуха берет совсем немного; золотой покажется ей роскошным даром. А если она вылечит вас, то и сундука золота не жалко!

Старая ведьма, к которой Клэр пришла тайком, ночью, словно ждала ее.

Потирая сухонькие ладони, она склонилась над варевом, булькающим в котелке над огнем, и с удовольствием принялась. Вопреки ожиданиям, там варился не яд и не жуткое зелье, а вкусная мясная похлебка, и в наваристый бульон ведьма кидала не волчьи ягоды, а красные помидоры и ароматные травы.

- Что, Клэр, - хихикая, произнесла старуха каркающим скрипучим голосом, недобро поглядывая на пиратку через плечо, - неужто даже тебе бывает страшно?

Ее седые брови неряшливыми клочками свисали над глазами невнятного цвета, и Клэр невольно передернула плечами.

- Не твое дело, старая шарлатанка, - огрызнулась она.

- Не мое? А что мое? – притворно удивилась старуха.

- Твое дело – меня вылечить, - твердо ответила Клэр, глядя в испещренное глубокими морщинами лицо старухи, коричневое, как кора дерева. – Остальное тебя не касается.

Старуха захихикала еще гаже, весело прищулив один глаз.

- А если я скажу, - ответила она, все так же потирая руки словно от сильного холода, - что ты и не больна вовсе?

- Не больна? – недоверчиво произнесла Клэр. – Да как ты можешь это знать, если даже не посмотрела на меня!

- А зачем мне смотреть на тебя, - небрежно ответила старуха. – Шляпа, ремни, жилет, штаны да пистолеты – что я, не видела таких, как ты? Думаешь, твоя судьба написана по подкладке твоего роскошного камзола из самого дорогого полотна, что можно сыскать на этом берегу? Или тиснением набита на кожу твоих сапог? Не-ет, - протянула ведьма, грозя Клэр своим крючковатым пальцем. – Твоя судьба идет за тобой по пятам, шагает твоими ногами, дышит твоим дыханием...

Старуха прислушалась, затаила на миг дыхание, будто хотела услышать голоса ангелов, и Клэр невольно затихла вместе с нею.

- Я слышу в твоём дыхании бурю, - прошептала старуха. – Ты удерживаешь ее всякий раз, как она хочет вырваться наружу из твоей души.

- Да, - прошептала Клэр, со страхом глядя на старуху. Та больше не казалась ей шарлатанкой, показывающей фокусы за деньги. О болезни капитана Клэр не знал никто – только верный ей судовой доктор.

- Ты не выпускаешь ее, - продолжала шептать старуха словно в полусне, глядя куда сквозь Клэр, словно погрузившись в транс или в странный сон наяву. – Ты сильная; ту душишь и

губишь эту великую бурю, а ведь это часть тебя, часть своей силы и жизни... Еще совсем немного, и ты совладаешь с ней, задушишь совсем, но и сама уйдешь вслед за ней.

- Так как же быть?! – вскричала Клэр горячо, подавшись всем телом вперед, и старуха вздрогнула, просыпаясь от своего вешего сна. – Ты не знаешь, как ужасно то, что живет во мне! Это мрак; это тьма, всепожирающее черное ничто!

- Отчего же не знаю, - возразила старуха. – Я видела это. И оно действительно ужасно. Давай поговорим с духами; что они посоветуют? Ну-ка, покажи, что ты принесла для меня?

На старый сосновый стол из кое-как обструганных досок Клэр поставила сундучок, нарядный и тяжелый, и ведьма, приподняв крышку, с удовольствием запустила пальцы в золотые монеты.

- Как звенят, - произнесла она мечтательно. – Как слезы тех, кого ты ограбила и убила. Вижу, тебе не жаль для меня пару ведер их страданий; спасибо!

Клэр смолчала, перенеся и это оскорбление, а старуха, все еще бормоча себе под нос что-то, на красной свече подожгла пучок сухой травы и втянула ноздрями приторный запах дыма.

- Ага, - произнесла она, зачерпнув горстью золотых в сундучке и высыпав их на стол. Монеты раскатились, звеня, и старуха прихлопнула ладонью монету, которая едва не скатилась на пол. – Больше, больше золота! Чем его больше, тем точнее предсказание! Вот оно что! Духи говорят, что ты можешь успокоиться, если...

Ее сумасшедший шепот смолк, она снова горстью кинула золото на стол, пристально вглядываясь в узор из трещин и деревянных волокон на своем столе. От дыма, плавающего в воздухе длинными серыми тонкими лентами, у Клэр закружилась голова, и ей показалось, что царапины на старом дереве задвигались между золотыми монетами, складываясь в угловатые буквы, выписывая грозные слова. Кривой палец ведьмы пробежал по строчкам, покуда она читала их, шевеля сухими тонкими губами.

- Они говорят, что если ты наденешь кожу, - со страхом произнесла старуха, все еще рассматривая стол, на котором пометки оставлял разве что ее кухонный нож, нарезаая лук и картошку. - Шкуру настоящего Дракона... то все пройдет.

- Дракона?! – удивленная, выдохнула Клэр. – Да где же я возьму его, старая ты ведьма? Ты еще пошла меня искать замки Фата Морганы!

- А что, боишься? – хихикнула ведьма, сгребая золото со стола и ссыпая его в свой ветхий передник. – Уже сейчас выдумываешь причины, чтобы не драться с Драконом? Задешево он не продаст тебе свою шкуру.

- Я ничего не боюсь! – вскричала Клэр гневно; кровь бросилась ей в лицо, и старуха снова гаденько захихикала.

- Ничего, кроме себя самой, хе-хе-хе... И даже покинуть этот мир и перейти в другой не боишься? – вкрадчиво произнесла ведьма. – Там, где никто о тебе ничего не знает, где нет места, которое ты могла бы назвать домом? Там живут Драконы; у нас они давно перевелись, а там еще есть. Сможешь ли ты? Насмелишься ли?

Глава 4. Волнение первой встречи

Каждый раз, когда фелука Клэр - быстроходный и маневренный корабль, - проходила меж Черными Камнями, вся команда затихала и замирала, всматриваясь в морскую воду, шумящую за бортом корабля.

Там, за Черными Камнями был портал; он раскрывался незаметно, невидимо. Миг - и судно, объятное дрожью, словно живое существо, словно коробка, ухваченная огромной невидимой рукой, несколько раз сильно и крепко встряхивалось, как будто двигалось, разрывая нити бытия, запутавшиеся среди мачт, и его выбрасывало в зеленые теплые воды чужого моря, под чужое небо.

Где-то вереди темной дымкой качался далекий берег, а за спиной - лишь простор моря...

Первый раз Клэр малодушно смолчала, куда они идут, и зачем кораблю нужно пройти именно точно меж двух черных одиноких скал. С собой они прихватили огромную металлическую сеть - Клэр нарочно ее заказала у кузнецов, и те выковали ее из прочных стальных цепей. О том, что она для Дракона, Клэр не сказала тоже. К чему пугать команду раньше времени? Это было жестоко, да, подставлять своих людей под яростный пламень Дракона, но иного выбора у Клэр не было.

У этих одиноких скал, у Черных камней, меж которыми следовало пройти, чтоб очутиться в ином мире, была дурная слава; ведьма долго не могла понять, какое место называли духи, а поняв - напугалась так, что рассыпала золото на пол, подавилась плавающим в воздухе дымом. В народе говорили, что под ними черти свили себе гнездо в темных, колышущихся водорослях, и потому плавать у скал не безопасно.

Но разве такие отчаянные и храбрые ребята, как команда Клэр, боялась чертей?

- Да мы выловим их за хвосты и каждого покрестим, дав по христианскому имени! - рявкнула Клэр, яростно кусая губы. Команда расхохоталась разнокалиберными голосами, а их капитан, предчувствуя кровавую драку, поспешно собирала волосы, пряча их под шляпу. Мир, где живы Драконы, кровожадны огнедышащие твари... после встречи с ними пиратов будет уже не напугать чертями, если хоть кто-то останется жив. Но это был ее единственный шанс, и она не хотела упускать его.

Первый поход в чужой мир был так удачен, что у команды больше не оставалось вопросов, зачем их капитан повела их меж черными скалами. Если она и продала свою душу демонам, то очень задорого! Казалось, что команда судна, на которое они напали и ограбили, и слыхом не слыхивала о том, что бывают морские разбойники. Моряки сдались почти без сопротивления, ошеломленные внезапным нападением, а металлической сетью, которой предполагалось ловить неведомого страшного врага, пришлось придавливать награбленное добро. Пираты бесновались и орали, празднуя победу, а Клэр с отчаянием и одержимостью во взгляде смотрела на бьющийся на ветру алый флаг с изображенной на нем лапой дракона.

Неудача!

Духи подсказали ей, что на кораблях с такими знаками путешествуют Драконы, которым лень перелетать через море. Она думала, что все будет просто. Дракон ведь огромен; наверняка должен спать на палубе. Ни в один трюм эта зверюга не поместится, не существует ни кораблей такого размера, ни трюмов, чтоб вместить летающего монстра. Команда накинула бы на него сеть, и Клэр просто прыгнула ему на спину с саблей а дальше бог бы их рассудил.

Но корабль оказался пуст; груженный дорогими товарами, золотом, он не нес на себе дракона, и Клэр, едва не рыдая от досады, приставив к горлу капитана нож, рычала сквозь стиснутые зубы:

- Где Дракон? Где эта летающая ящерица, черт тебя дернул?!

Капитан был мужественным человеком. Несмотря на то, что легко сдался, ошеломленный, не ожидавший нападения, он не боялся умирать. Глядя в безумные, одержимые, истекающие прозрачными слезами глаза пиратки, он чуть усмехнулся и негромко ответил:

- Его тут нет, да и быть не должно. Этот корабль принадлежит ему, но сам он не охраняет свое добро лично.

Капитан издевался над Клэр. Он слышал ее сдавленные рыдания, больше похожие на дыхание, захлебывающееся холодным морским воздухом, он прочел отчаяние в глубине ее глаз, и понял, что ей сейчас страшнее, чем ему. Клэр даже не поняла, не заметила, как ее нож рассек его горло. Миг - и красные брызги обагрили ее руки, а капитан все так же бесстрашно смотрел в ее лицо, чуть улыбаясь, но уже отходя в мир иной.

Странные люди, которых не касался липкий страх...

Второй поход тоже был весьма удачен для команды и неудачен для нее; корабль, который они выбрали для нападения, был загружен дорогими тканями, благовониями, неограниченными драгоценными камнями, прекрасными в своей варварской грубости, но дракона, того, чья длань украшала флаг корабля, тут не было. Команда праздновала удачу, а Клэр бесилась, еле сдерживая себя от того, чтобы сейчас же кого-нибудь не проткнуть насквозь саблей. Ей хотелось с криком влететь в круг матросни, пьяной, опорожнившей уже не одну бутылку с дорогим вином, найденным в трюме захваченного корабля, и погромить их всех, изрезать их счастливые рожи. Они дрались за добычу и деньги; она - за свою жизнь. И каждый бой они выигрывали, а она - проигрывала, даже не коснувшись тени того, кого искала - Дракона...

Но на этот раз все было иначе.

Корабль под алым флагом она увидела сразу, едва портал выпустил ее судно в бушующие воды. Он уверенно шел своим курсом, большой, грозный, и чутье, какая-то звериная, первобытная часть ее самой, вдруг коварно шепнула, воспаляя мозг, заставляя руки трястись от нетерпения и радости - «сегодня удача, сегодня он там».

- Справа по борту славная добыча! - закричала Клэр. Голос ее дрожал, но эту сладкую дрожь нетерпения можно было списать на предвкушение скорого боя. - Посмотрите-ка, какой красивый рождественский гусь плывет нам прямо в руки! Я лично откручу ему ноги и крылья и слопаю с солью и перцем!

Команда ее давно привыкла к неуклюжим шуточкам своего капитана, а потому смеха почти не последовало. Пираты деловито готовили абордажные крючья, проверяли оружие, и Клэр, кусая губы, глянула на чужой корабль в свою подзорную трубу.

Вне всякого сомнения, они, те, на кого она сейчас смотрела, готовились к бою с пиратами. Не зря же она так долго дразнила чертова Дракона, затопляя его корабли один за другим! Она славно раздражила его, принудив лично выйти в море и отловить вора, она много сокровищ у него отняла, Дракон получал много пощечин, жадная злобная тварь, - а что может быть для Дракона дороже золота? Легенды гласят, что он готов убить даже за крохотную монету. Что ж, у него будет такой шанс. Клэр на миг представила, как огромные зубы впиваются в ее тело разрывая... что ж. К боли он привычная. Даже этот вариант будет лучше, чем гнить заживо.

Осматривая суетящихся на чужой палубе матросов, готовящихся к бою, стараясь увидеть хоть тень от крыльев летающего монстра, Клэр вдруг зацепилась взглядом за одного человека... Одному богу известно, отчего ее сердце вдруг так неистово забилося, когда она глянула на него - и увидела, что и он смотрит прямо на нее. Пусть и не видит - расстояние велико, - пусть и не знает, что она смотрит на него, но...

Он был совсем молод; очень хорош собой. Некоторое время Клэр с изумлением, словно перед ней было величайшее чудо света, рассматривала его, замороженная невиданной прежде красотой, изумляясь, насколько он не похож на всех, кого она когда-либо видела раньше и знала. Тонкий, изящный, одетый в черные и алые шелка, он сочетал в себе нечто зловещее, красивое и притягательное одновременно. Жесты его холеных рук были плавны, Клэр невольно

усмехнулась и поморщилась, испытывая одновременно восхищение и стыд. Стыд за себя и за него - разве может мужчина так манерно себя вести, так нарочито красиво двигаться? И она - она никогда, наверное, не сможет быть так изысканно-грациозна, ее жесты не будут такими завораживающими. Грубая ругань и быстрая поступь - вот ее потрет.

- А этот красуется даже перед лицом смерти, - с неприязнью прошептала Клэр, чувствуя уколы ревности в своем сердце. - Аристократ, демоны его поймей... сегодня, впрочем, у них будет такая возможность.

У Клэр вдруг больно защемило в груди, когда она подумала, что сегодня его молодая жизнь оборвется, и морской ветер больше не будет перебирать его длинные черные волосы, не коснется матово-белого лба. Отчаяние коснулось души Клэр, и она почти выкрикнула свой вопрос в небо - отчего все так несправедливо!? Почему в этой жизни можно спастись, выжить, только уничтожив чужие надежды и погубив чужие жизни? Но она сдержалась. Прочь, прочь жалость! Скрипнув зубами, она снова поднесла подозрную трубу к глазам, и снова, как притянутая неведомой силой, увидела его, узорчатый черный шелк на его плечах, блестящие напомаженные волосы, сверкающие отполированные ногти - о боги, какой разряженный павлин!.. Таким пижонам не место на море, и меч они в руках держат только потому, что он красивый.

Его черные глаза смотрели на корабль Клэр, не мигая, и ее словно опалило огнем - столько силы и страсти было в его взгляде. Глупый самонадеянный мальчишка! В его годы любая драка - это всего лишь приключение. А приключения интересны и будоражат кровь. Вне всякого сомнения, это молодой мужчина, красивый, богатый, статный, продаст свою жизнь задорого, но финал один.

А он смотрел внимательно, так, словно мог через огромное расстояние рассмотреть черты лица Клэр, он пожирал ее взглядом, и Клэр почувствовала неведомое раньше ей тепло на сердце, имя которому надежда. Вдруг она понравилась бы ему? Вдруг? Вдруг он действительно видит ее, рассматривает ее лицо, ее губы? Вдруг?..

Прочь, прочь сомнения и жалость! Так угодно небесам...

- Эй, - крикнула она с капитанского мостика вниз, внезапно поддавшись неумолимо влекущему ее порыву. - Там, на корабле, есть один разряженный фанфарон... Оставьте его мне, не убивайте! Хочу поближе посмотреть в его подкрашенные глазки.

Клэр действительно этого хотела; образ незнакомца тревожил ее воображение, Клэр почувствовала, как дрожит от желания встать напротив него и посмотреть поближе в юное красивое лицо.

«Этого еще не хватало,- хмуро подумала она, понимая, что сама хочет проткнуть его сердце саблей, чтобы лично уничтожить странное, неведомое ей доселе влечение, чтобы погасить огненный взгляд прекрасных черных глаз, заморозивших ее как глаза змеи - птичку. - Экая невидаль - расфуфыренный мальчишка! Да он титьку мамкину выплюнул, наверное, только на днях. Его и мужчиной назвать нельзя, наверное...»

- Как мы узнаем его, капитан? - крикнул кто-то из пиратов.

- У тебя на него встанет, - грубо ответила Клэр, и палуба потонула в скотском хохоте ее команды.

**

Абордаж начался неудачно; капитан и рулевой на корабле дракона не зря ели свой хлеб! Таран, который должен был разнести нос атакуемого корабля в щепки, только скользнул по борту, оставив совсем незначительные повреждения. Мешки с песком, выкинутые командой драконьего корабля, смягчили столкновение, и Клэр ругнулась, помяная недобрым словом и дракона, и его верных людей.

Чувствуя, как привычная боевая ярость кипит в ее крови, сливаясь воедино с ревущей толпой пиратов, обезумевших от предвкушения, ждущих первой крови, которая своим слад-

ким запахом потопит остатки разума, Клэр выхватила саблю и, улучшив момент, со своих вант спрыгнула на палубу атакуемого корабля в числе первых.

- Нас ждет славная добыча! - прокричала она. Страху не было; сабля ее светлым узким лучом встречала выпады защищающихся, и Клэр охватил азарт - такой, какой обычно она испытывала, чувствуя свое полное слияние с командой, с морем, что ждет, когда ему достанется разбитое и разграбленное судно. В такие минуты она ощущала себя стихией - такой же неумолимой и смертоносной.

- Вон он, фанфарон! Живьем его брать!

Отчаянно рубясь сразу с парой защитников драконьего корабля, Клэр мельком кинула взгляд на капитанский мостик, располагающийся на юте; там, в окружении воинов, неподвижно стоял тот самый мальчишка, крепко сжав губы. Клэр видела, как стеклянно блестели его недобро прищуренные черные глаза, как он похлопывает большим пестрым веером о ладонь, зловеще и неспешно. Ярко-красная вещь тревожно вспыхивала в лучах утреннего солнца, и Клэр показалось, что прошла целая вечность, в течение которой веер ударил об узкую ладонь всего три раза...

На мгновение Клэр очень недобро подумала об этом разряженном сопляке, мысль яркой молнией промелькнула в ее воспаленном сознании. Молодой паршивец, который рисуется, красуется даже сейчас, прикрывая красивое лицо дорогой пестрой вещью... «Ну, не время же сейчас, не время! - в отчаянии думала она, расталкивая с невероятной силой наваливающихся на нее неприятелей, кромсая ножом потные тела, рассекая груди саблей. - Возьми же оружие и попробуй уже защититься, не то убьют просто так!»

Три неспешных раза.

Столько раз веер опустился на раскрытую ладонь, и Клэр обострившимся слухом уловила шелест составляющих его пластин.

Тонкие пальцы с остро отточенными, отполированными ногтями неестественно блестели на солнце, словно отлитые из серебра, и когда ее люди, озверевшие от жажды наживы и запаха крови, вскарабкались по ступенькам вверх, к поджидающей их жертве, Клэр показалось, что на капитанском мостике вспыхнул пожар, ослепивший всех своим алым пламенем.

На миг она закрыла глаза, в отчаянии представляя себе, как мальчишка испуганно, раскрытым пестрым веером отгораживается от надвигающейся на него смерти. Наивный... Капитанский мостик потонул в воплях боли, звоне оружия, и Клэр, поддаваясь все тому же необъяснимому порыву, что в свое время заставил ее приказать своим людям не убивать его, кинулась туда, чтобы разогнать навалившихся на мальчишку пиратов, растолкать их, пинками согнать вниз, чтобы они не смели своими грязными руками лапать его красивую пеструю одежду. Чтобы никто из них не смел прикасаться к нему...

Она помнила выкрик - «живьем брать!» - и не думала, что кто-то осмелится нарушить ее приказ нарочно, но ведь мальчишка мог начать сопротивляться, и тогда... тогда!..

Она думала, что не успеет. В несколько прыжков она преодолела расстояние, отделяющее ее от капитанского мостика, ловко лавируя меж яростно сцепившимися людьми, уклоняясь от шальных ударов, взлетела по ступеньку вверх, и... замерла, словно громом пораженная, бессильно опустив свою саблю, испачканную горячей дымящейся кровью.

Словно феникс взмахивая огненными крыльями, мальчишка метался по мостику, размахивая своим веером. Казалось, он танцует какой-то складный, плавный танец, то закрывая свою грудь от метящих в него ударов, то пестрым мельканием раскрытого алого веера ослепляя противников. Удары сложенного веера, словно удары хорошей дубинки, с сухим треском сыпались на головы наступающих, оглушая их, разбивая в кровь лица, переламывая пальцы, пытающиеся прикрыть раздробленные носы, выбитые глаза. Иногда алое крыло распахивалось, словно ласкаясь, касалось людей - и тогда они с воплями валялись с ног, сбитые его тяжестью,

и кровавые брызги разлетались кругом, оставляя красные дорожки на белоснежном лице дерущегося мальчишки.

- Твою ж мать! - заорала Клэр, когда ей под ноги шлепнулся пласт кожи и скальпа, срезанный одним движением веера. А сопляк-то не так беззащитен, как казалось сначала. И любому, кто посмеет позубоскалить над его манерностью и уточенной красотой, он уж точно наверняка может вбить его смех в глотку.

Веер, которым красавчик обмахивал свое нежное лицо от жары, оказался с секретом; пестро разукрашенный, он на самом деле состоял из железных пластин, связанным меж собой крепкими шелковыми шнурами и остро отточенных на конце. Не прекращая красоваться, изящно и красиво водя остропалой кистью с зажатым в ней веером, мальчишка, ощерив крепкие острые зубы, очень быстро покрошил всех, кто посмел ступить на место, предназначенное ему.

Удары тонкого, стройного, гибкого мальчишки оказались нешуточными. Деревянная палуба вокруг него была усеяна раскромсанными, изрезанными телами, словно чудовище рвало их когтями, а не пестрый веер перечеркивал накрест их ненужные жизни, и одного из пиратов, который еще шевелился, мальчишка хладнокровно добил, одним движением сложив свой веер и воткнув его, как железный прут, в сочно хрупнувший висок.

Клэр увидела, как он зловеще покачивает своим странным оружием, дразня, словно распростерший крылья журавль, как он пробует на вкус каплю крови, красной вишенкой сияющей на его губах, и ее кинуло в жар от его страшного, немигающего взгляда.

- Иди сюда, - произнес он, делая мягкий приглашающий жест. Острые ногти блеснули в солнечном свете, и Клэр, отойдя от странного оцепенения, поняла, что эти слова, выдохнутые свистящим злым голосом, предназначаются ей. - Ну-у?

«А это шанс, - вдруг подумала Клэр, облизнув пересохшие вмиг губы. - Он... наверное, служит дракону. Слишком хорош в бою. Он сможет... сможет убить меня и прекратить мои мучения!»

- Расфуфыренный сопляк! - рывкнула Клэр, в видома убийцы выхватив нож и направляя его на мальчишку. - Сейчас я выверну тебя наизнанку!

- Думаешь, - мягко и осторожно обходя неподвижные тела, стараясь не зацепиться и не испачкать свои пестрые шелковые одежды о кровь, произнес тот, неспешно распуская свой смертоносный веер и вытягивая из черных лакированных ножен узкий слабоизогнутый меч, сверкнувший на свету ослепительно-белым лезвием, - внутри я красивее, чем снаружи?

- Вот сейчас и проверим! - дерзко выкрикнула Клэр.

Они сшиблись, словно две волны в море, давя друг на друга массой, и отталкивая друг друга, с шумом, лязгом. Клэр закричала, чувствуя, как ее руки, принимающие удары его оружия, горят огнем, словно по суставам колотят раскаленным молотом. Мальчишка, над которым она так смеялась, которого с презрением называла фанфароном, был словно из металла отлит - так же крепок, гибок, силен и тяжел и бил не стесняясь, сильно, впав в холодную ярость. Клэр была ловчее, но мелькание его веера сбивало ее с толку, и не раз она промахивалась и заваливалась в пустоту, ослепленная пестрым мельканием.

Бой ушел куда-то в сторону; Клэр больше не слышала криков раненных и звона оружия. Весь ее мир, казалось, сосредоточился на одном-единственном человеке, который неумолимо вел ее - осознав это, Клэр обнаружила, что нападающий, тесня, заставил ее покинуть капитанский мостик и теперь принуждает ступить в каюты, чтобы искать спасения там, в узких тесных комнатках, где даже стены будут держать и цепляться за руки...

- Да черта с два! - Клэр вдруг ощутила в своем сердце страх. Никогда раньше она не встречала равного себе противника; может, то природа одарила ее особым талантом, да только дралась она обычно ловчее и лучше многих мужчин. А тут он не только был равен - пожалуй,

он превосходил ее в умении размахивать саблей. Его меч мелькал быстрее крыльев бабочки, а от брошенного ею ножа мальчишка просто отмахнулся веером, распахнул дверь каюты и пинком толкнул Клэр туда.

Клэр, потеряв опору под ногами, кубарем вкатилась в каюту, потеряв саблю, пребольно ушибившись локтем обо что-то и треснувшись головой так, что искры из глаз посыпались. От удара ее сознание помутилось, она чувствовала, как темнота окутывает ее, и опасность растворяется в этой обманчиво уютной темноте.

Дверь захлопнулась, отрезая солнечный свет, Клэр, судорожно шарящая в голенище сапога, почувствовала, как страшные когтистые пальцы смыкаются на ее горле, душа и таща ее безвольно болтающееся тело вверх. Мальчишка словно действительно был отлит из металла, Клэр, вцепившаяся в его тонкие пальцы, не смогла разжать и даже хоть немного сдвинуть с места хоть один из них. Все мысли вмиг вылетели из ее головы, остался лишь ужас. Мальчишка, сверкающий черными глазами, улыбающийся острозубой красивой улыбкой, показался ей демоном, пришедшим за ее душой.

- Кто это нам попался,- произнес вкрадчивым, ласковым голосом мальчишка, посмеиваясь, любопытными глазами рассматривая свою добычу. Его рука скользнула по груди Клэр, обыскивая, похлопывая, стараясь нащупать оружие, и та, отчаянно задрывав ногами, громко взвизгнула.

От изумления мальчишка ее чуть не уронил, его черные брови изумленно взлетели над широко раскрывшимися глазами.

- А кто это тоненько у нас пищит, - смеясь, не веря своим глазам, произнес он, щелчком стальных пальцев сбил с нее шляпу, и черные длинные локоны рассыпались по ее плечам. - Кто это так пищит, я спрашиваю?

Его острые ногти скользнули по ее камзолу, несильными прикосновениями срезая по одной пуговицы, со звонкими щелчками падающие под ноги. Его когти легко касались ее одежды, распарывая плотную ткань и Клэр, багровея от удушения и стыда, забилась в его руках, чувствуя, как холодный воздух касается тонкого полотна ее рубашки, и как оно рвется, расползается под ногтями этого странного мальчишки, словно под остро отточенными лезвиями, выставляя напоказ ее часто вздымающуюся грудь. Девичью грудь, вне всякого сомнения. Это мог понять и такой юный мальчишка, увидев под распотрошенным полотном две очаровательные округлости с темными сосками.

- Девуца! - выдохнул он с изумлением, тараща глаза. Одного мига замешательства было достаточно для того, чтобы пальцы Клэр справились таки с неповоротливым ножом, застрявшим в высоком голенище сапога. Крутнув нож в умелой ладони, она ухватила его прямым хватом и со всей силы всадила в бок мерзавца, поспевшего лапнуть ее за грудь. Раздался звон, Клэр вскрикнула, чувствуя, как металл лопается под ее сильной рукой.

Его железные пальцы дрогнули, отпуская ее задыхающееся горло, на лице мальчишки выписалась мучительная гримаса боли и досады, он скорчился, с шипением потирая бок, и Клэр, онемевшая от изумления и суеверного ужаса, подняла к глазам обломок ножа, намертво зажатого в ее побелевших пальцах.

- Этим ты меня не проймешь,- заметил мальчишка, все так же морщась и потирая зашибленное тело, с толикой удовлетворения наблюдая, как суеверный ужас расплывается по ее лицу.

А затем он вдруг напрыгнул на нее, переместившись так незаметно, будто был призраком, и резким движением заломил ей руку, зло свалив животом на стол навалился тяжелой горячей тушей сверху, заставив зарыдать от боли в выкрученном суставе. Его страшные когти сильно и резко рванули ворот ее камзола, распуская ткань на тонкие ленточки, и Клэр снова взвизгнула, ощутив себя обнаженной. Вся одежда на ее спине была растерзана, с треском разодрана, изрезана, и мальчишка, на миг отстранившись от ее дрыгающегося, сопротивляющегося тела, словно скульптор любуясь своим шедевром, провел ладонью по горячей коже.

- Что ты делаешь?! Что делаешь, мерзавец?! - заверещала она, дрыгаясь и извиваясь.

- Обыскиваю, конечно, - деловито ответил он, и она замерла, боясь даже дышать, чувствуя, как его пальцы водят по ее обнаженной спине, по ее вздымающимся ребрам, чуть нажимаемые острыми когтями, оставляя алые полосы. - На предмет ножей, которыми ты так ловко орудуешь, отравленных игл, тайного оружия. Так зачем это девицы стали брать в руки сабли и нападать на корабли, принадлежащие драконам? - небрежно поинтересовался он. Его коготь легко подцепил ее пояс, и толстая кожа лопнула от легкого невинного прикосновения. Клэр взвизгнула, засучила ногами, чувствуя, как штаны становятся чересчур свободными, и подлец стаскивает их с нее мелкими нетерпеливыми щипками.

- Негодяй! - рычала она, уткнувшись лицом в стол, чувствуя, как ее горящее от стыда лицо становится мокрым. Штаны соскользнули с ее задницы, и ладонь мальчишки вкрадчиво, почти ласково провела по оголившемуся телу, повторяя аппетитную округлость ягодицы, цапнула острыми когтями, больно кольнув в самом аппетитном, круглом месте. - Это не обыск, это унижительное надругательство! Ты - мерзавец, отпусти меня! И тогда - может быть, - я велю оставить тебя в живых!

- Велишь? Так ты, стало быть, капитан этих бездельников и бродяг, - беспечно ответил мальчишка, и его глядящая ладонь вдруг стала жесткой, он, почти не размахиваясь, врезал по округлой попе так, что ягодица Клэр загорелась алым пятном, а сама она завопила от боли. - Но согласишься, в данной ситуации у меня положение намного выгоднее, чем у тебя, поэтому мне решать, оставить ли тебя в живых, а не наоборот. Итак, девица, - он навалился на нее, с удовольствием прижавшись к ее подрагивающему плечу носом, принюхиваясь к ее запаху позвериному, - отвечай: зачем ты грабишь суда Дракона? Тебе нужно золото?

- Мне нужен сам Дракон! - завопила Клэр, залившись слезами, когда его бесстыжая ладонь снова легла на ее ягодицы и ногти чуть сжали кожу, чувствительно накалявая ее.

- Зачем тебе Дракон? - терпеливо продолжил свой допрос мальчишка. Он выдыхал свои вопросы прямо в ее ушко, горячее и красное от смешанных стыда и страха, и иногда Клэр казалось, что он играет, прихватывая ее ухо губами. - Не жаль будет убить? Он ведь мыслящее существо, такое же, как мы с тобой, а вовсе не безмозглое животное... как ты думаешь, дикарка.

- Я сошью из его поганой шкуры себе плащ и сапоги! Что, жаль это кровожадное чудовище? - насмешливо выкрикнула она, задержавшись, стараясь столкнуть с себя его тяжелое тело, разумеется, безрезультатно. - Скармливаешь ему людей? Поставляешь живой товар? Разнообразишь стол?

- А ты, стало быть, справедливая мстительница? - мальчишка хитро прищурился. - Перебив столько людей в бою, ограбив их и бросив умирать в море, чем ты-то лучше такого кровжадного, ненасытного Дракона, так любящего пожирать человеческую плоть?

На губах его играла озорная улыбка, Клэр почувствовала, как он, лежа на ней, дрожит от смеха, и забрыкалась еще яростнее.

- Да ты сам подобен этому поганому животному, этому тупому монстру! - выкрикнула она. - Верный слуга, прихвостень... прихлебатель!

- Нет, - мальчишка навалился на нее еще полнее, еще крепче прижав ее к столу, и склонился к самому ее уху. Теперь его губы задевали ее пылающую кожу, и Клэр слышала его тихое дыхание. - Я не подобен монстру. *Я и есть монстр.*

Глава 5. Зов крови

- Что!? – выдохнула Клэр, на мгновение перестав даже сопротивляться. Жесткие, словно отлитые из металла пальцы, удерживающие ее, осторожно выпустили ее запястье, мальчишка отступил, освобождая ее заломленную руку, и девушка подскочила, обернувшись, со стыдом натягивая на себя остатки изодранных Драконом вещей. – Ты!?

- Я, - просто ответил мальчишка, разведя руками. – Убьешь меня теперь?

В его вкрадчивом голосе снова послышалась лютая издевка, главным образом оттого, что убить его Клэр не могла физически – ей не доставало ни сил, ни умения, чтобы сделать это. Да и желания – своим звериным чутьем мальчишка учуял, понял на каком-то низшем, почти магическом или диком, животном уровне, что она не хочет его убить – или хочет, но лишь потому, что ревнует его ко всему миру. Только она одна может на него смотреть, только она одна может его касаться! Даже к солнечным лучам, осторожно глядящим его черные волосы, она ревнует его...

- Как это может быть?! – испуганно выдохнула Клэр, стискивая на груди изодранную рубашку.

Мальчишка как-то неопределенно пожал плечами, словно изумляясь собственным возможностям, затем чуть наклонил голову, сделав усилие над собой, и на Клэр исподлобьяглянули змеиные золотые глаза с узким вертикальным зрачком, на красивом лице проступили какие-то иные, нечеловеческие черты, на щеках блеснула алая чешуя, затрепетал на голове высокий гребень. Трансформация длилась всего несколько секунд, но изумленная, онемевшая от увиденного Клэр успела разглядеть Дракона и понять, что ее не обманывают, и что мальчика не шутит.

- Оборотень, - выдохнула она испуганно. На своей родине она слышала об оборотнях-волках, а тут значит, вот как бывает...

- Можно и так сказать, - покладисто согласился мальчишка, снова усмехнувшись. – Ну, так что, все еще не расхотела мою шкуру?

Звуки боя стихали; и, судя по спокойным деловитым переговорам, доносящимся извне, судя по невозмутимости Дракона, команда Клэр была побеждена. Впрочем, она и сама это понимала, чувствовала; на этот раз они напоролись на хорошо обученных людей самого правящего Дракона...

- Нет, - агрессивно рявкнула девушка, хорохорясь, - твоя шкура для меня дороже золота!

- Ох, ох, ох, - дразнясь, ответил Дракон, корча плаксивую рожицу. - Какая дорогая у меня шкура! Что ж за беда заставляет девиц быть такими злобными? Таких хорошеньких девиц, - добавил он, протянув руку и по-хозяйски касаясь ее щеки, отводя от ее личика черные блестящие локоны, чтобы как следует рассмотреть ее. В его черных глазах мелькнуло неподдельное любопытство и какое-то неведомое Клэр чувство, такое горячее, страстное, что она охнула стыдливо, ощущая, как это чувство передается ей, как оно пронзает ее, словно пущенная умелой рукой острая каленая стрела, пробивая в груди горящую рану.

- Ты пахнешь, - произнес Дракон тихо, но так горячо, что у Клэр сердце зашлось, - как самая спелая, самая сладкая самка... вкуснее мягких абрикосов. Кажется, если тебя тронуть, - его когтистые пальцы чуть сжились, накалявая ее кожу, - то твоя кожа лопнет, как тонкая виноградная шкурка, и потечет сладкий прозрачный ароматный сок... такая ты спелая и душистая...

Последние слова он шептал, уже стоя к Клэр близко-близко, вплотную, едва не касаясь ее подрагивающих губ своими губами, и у девушки закружилась голова от объявшего ее жара. Жара его близкого тела, жара его бессовестных ладоней, забравшихся под ее изодранную одежду. Он словно загипнотизировал ее своими немигающими черными глазами, своими

неторопливо льющимися словами, тихим шепотом. Дыша его дыханием, Клэр вдруг обнаружила, что ее собственные руки, чуть подрагивая от нетерпения, неумело и торопливо распускают застёжки на его шелковой щегольской одежде, ласкают его плечи, и сам он чуть дрожит от объявшего его странного, неуместного желания. Желания близости, желания ее тела здесь и сейчас, сию минуту!

И она не могла ему противиться. Понимая, как это странно, дико и не уместно – не могла оттолкнуть его, склоняющегося над ней, не могла вырваться из его рук, которые забрались в ее рассыпавшиеся волосы и ласкали ее затылок, не могла противиться прикосновениям его губ, не могла противиться его поцелуям, на которые отвечала неумело и робко, стаскивая одежду с его плеч.

- Мальчишка, - слабо всхлипнула Клэр, когда Дракон по-хозяйски ухватил ее за грудь и, склонившись, жадно припал губами к соску, лаская и посасывая.

- Твоей бабки еще на свете не было, - парировал он, - когда я был мальчишкой. Мне двести лет. Так что не станем тут рассуждать о возрасте.

Он блеснул черными глазами, и завороченная Клэр прочитала в них мудрость и опыт давно живущего существа. Умные, проницательные глаза странно смотрелись на юном лице, хотя какая теперь разница?.. Какая разница?

Хищник, охотник по природе своей, он не мог ее взять осторожно и незаметно. Огонь, бушующий в его сердце, подсказывал ему: растерзай, разорви! И Дракон выплеснул свою страсть, растерзав на Клэр остатки одежды, раскидав обрывки, чуть рыча от нетерпения.

Прижав девушку к стене, крепко сжав запястье ее руки, заломленной над головой, он осторожно-осторожно погладил ее живот, чуть нажимая острыми когтями, рисуя на подрагивающем теле замысловатые узоры, а потом его рука коварно и быстро скользнула вниз, меж ног, к нежному и чувствительному местечку. Клэр взвизгнула от стыда, когда его пальцы коснулись ее лона, и ее собственное тело отозвалось на это прикосновение, оказавшееся таким желанным и прекрасным – до блаженства, до выступившей ароматной влаги. Девушка попыталась сжать бедра, но Дракон ловко просунул колено меж ее ног, продолжая осторожно ласкать ее, перебирая влажные лепестки чувствительными пальцами. Клэр дрожала, словно натянутая струна, в страхе глядя вниз, на собственное обнаженное тело; ей казалось, что вот-вот, и его когти, которыми он с такой легкостью резал толстую ткань одежды и рвал кожаные ремни, проткнут, ранят ее. Но его пальцы оказались удивительно мягкими и ласковыми, особенно тот, что нащупал возбужденную точку меж ее ног и осторожно погладил ее, чуть касаясь нежной глянцевой кожицы.

- Нет! – взвизгнула Клэр, зажмурившись. – Нет, пожалуйста!

От неспешной острой ласки колени ее дрожали; ее тело, прижатое к стене, была крупная дрожь, и девушке стало нестерпимо стыдно оттого, что мужчина – подлый бессовестный Дракон! – удерживающий ее и делающий все это с нею насильно, но так умело, с интересом наблюдает за тем, что выписывается на ее лице. Вдыхает каждый ее стон и всхлип, впитывает каждый изгиб бровей, запоминает сладкую муку, отражающуюся в ее чертах.

- Отчего нет? – прошептал он. Теперь его пальцы поглаживали горящую желанием дырочку, мокрую, жаркую, и Клэр готова была выть. Она закусывала губы, и коварный Дракон прижимался к ним и водил по ним языком, так сладко, так неторопливо, что становилось еще стыднее – и восхитительнее оттого, как он упивался ее беспомощностью, ее покорностью и ощущением своей власти.

- Я не могу! – взвизгнула Клэр, когда его палец снова коснулся горячей желанием точки, и Клэр ощутила, как ее лоно сладко сжалось, вытолкнув еще горячей влаги прямо ему в ласкающую ладонь.

- Могут абсолютно все, - возразил Дракон, накрывая ее губы своими и проникая в ее рот языком.

Его близость, его красота завораживали Клэр, и она, изнывая, снова закусывала губы и терпела его неспешную ласку, от которой кровь закипала в ее жилах.

- Я...я...я девственница! – взвизгнула она, чувствуя, как его палец пытается проникнуть в ее тело, и причиняет боль, непривычную и странную.

Дракон на миг замер, затем отстранился, заглянул в пылающее от стыда лицо Клэр.

- Невинна?! – переспросил он с изумлением. – Вот это новость. Я думал, у пиратов нет ни чести, ни совести, ни чего-то святого...

Клэр яростно взбрыкнула, да так, что Дракон едва смог удержать ее в руках.

- Я что тебе, уличная девка? – свирепо прорычала она. – Ты думаешь, любой меня может взять?! Ха! Хотела б я посмотреть на того человека, который осмелился бы прикоснуться ко мне и взять мою честь!

- Ты его и не увидишь, - ответил Дракон, внимательно изучая ее разгоревшееся от гнева лицо. – Потому что первым у тебя будет Дракон.

Жадная страсть еще больше охватила его, он прижался, прильнул к девушке всем телом, целуя ее так жарко, что все мысли в ее голове растворились, ушли. И она обхватила его плечи руками, отвечая на его поцелуи с не меньшим пылом, который жидким огнем разбегался по крови и привычно, знакомо ожог пальцы на руках, болью облил нервы.

«О, нет, только не сейчас!» – в панике молила Клэр, чувствуя приближение знакомого приступа. Ее болезнь, словно разбуженная потрясением и наслаждением, заворочалась в ее душе, черная бездна открыла голодные глаза, и Клэр, дрожа, чувствуя под спиной шелк простыней, на которые уложил ее Дракон, молила, упрасивала небеса лишь об одном – отсрочить ее боль, подождать хоть немного.

После... пусть все будет после...

Девушка торопится, ласкается к Дракону, и тот вспыхивает страстью еще сильнее, еще жарче, хотя, казалось, это уже невозможно. Его жарке тяжелое тело становится жестким, словно в самом деле отлито из стали. Его губы целуют и целуют ее, и когда его жесткая плоть касается ее меж покорно разведенных ног, жестко толкается, Клэр вскрикивает, ощутив как после первой вспышки острой свежей боли что-то большое проникает в ее тело, медленно и туго. Его ладонь, жестко удерживает девушку за дрожащее ягодицу, Дракон принуждает ее принять его полностью, вжимаясь в ее трясущиеся бедра. Он затирает ее вскрик горячим языком и толкается в ее узкое мокрое лоно нетерпеливо, раз, второй, третий. Боль растекается по ее телу, по ее нервам, и Клэр переводит дух, прислушиваясь к тому, как та затихает – и к новым ощущениям в своем теле.

Пугающая бездна в ее душе вздрагивает и отступает, напуганная этой болью, и Клэр, напуганная не меньше, трясущаяся, как раненный зверек, прижимается плотнее и цепляется за влажное тело мужчины, осторожнодвигающегося над ней - и в ней. Почему-то остро, оглушительно пахнет кровью, Клэр понимает, что это ее кровь – и Дракон, чуткое животное, тоже чувствует этот чуть солоноватый, пряный запах. Он возбуждает его, заставляет вдыхать воздух, наполненный ароматом женщины, еще глубже, и Дракон, потеряв самообладание, подхватывает Клэр под ягодицы и толкается в ее тело сильнее – до крика, до задыхающегося хриплого дыхания.

- Какая ты сладкая... какая-я-я...

Бездна, шевелящаяся в душе Клэр, с готовностью пожрала первую боль. Боль – это то, чем питается странная болезнь девушки; боли было слишком мало и скоро не стало совсем, и Клэр с изумлением почувствовала, как ее тело наполняется удовольствием, неведомым ей ранее. Впервые в жизни она ощутила себя такой же, как все прочие, женщиной – да нет же, она поняла это с изумлением, чувствуя, как ее берет мужчина, нетерпеливыми жесткими толчками. Обнимая его длинными ногами, постанывая от наслаждения, Клэр чувствовала сильные

толчки в себе и теплое приятное возбуждение, которое было сильнее бездны. И та отступала, пряталась в потаенных уголках души девушки.

Каждая неровность, каждая выпуклость проникающего в нее члена ощущалась для Клэр так ярко, что та не вынесла – закричала, извиваясь под Драконом нетерпеливо и жадно, двигаясь ему навстречу, насаживаясь сама на его член. Ей казалось, что мужчина слишком нетороплив, слишком острожен с нею, отчего жажда, разгоревшаяся в ее сердце, не затихает. Она мечется, отворачивает от мужчины разгоряченное лицо. Но он преследует и целует ее дрожащие губы, проникая языком в ее рот, и Клэр кажется, что он берет ее всюду, почти насилует своим языком. От этого становится невыносимо стыдно и восхитительно, до головокружения приятно.

- Что ты наделал, подлец! – рычит Клэр, сама не понимая, в чем она его укоряет: в том ли, что он осмелился забрать ее невинность, или в том, что разжег в ней пожар желания, который сжигает все дотла – разум, чувства, и болезнь, отступающую от неистовой жажды наслаждения. – Что ты натворил!

Одним толчком Клэр сталкивает с себя его тело, но не для того, чтобы вырваться и убежать – нет. Она оказывается сверху, сидя на нем, обхватив его сильными ногами. Дракон смотрит на нее, словно замороженный. Его ладони лежат на ее бедрах, и он тянет, тянет девушку на себя, заставляя ее принимать его полнее, глубже, до жарких стонов. Клэр закидывает голову и стонет от непереносимого удовольствия, ее бедра движутся сильно и быстро, она изнывает, потому что наслаждения, которое он ей доставляет, ей слишком мало, и она готова двигаться еще и еще, все быстрее все сильнее и жестче, туша свою жажду болью. Его член ласкает ее в глубине, массируя и растягивая ее лоно, и Клэр утробно, совершенно дико рычит, ерзая на нем откровенно и бесстыдно.

Его когти впиваются в ее бедра, когда движения девушки становятся все сильнее и резче. Клэр склоняется над лежащим мужчиной; она жаждет его поцелуев, его язык, который ласкает ее рот, ставший внезапно таким чувствительным, что у Клэр перед глазами вспыхивают белые ослепительные звезды, когда она чувствует его у себя во рту, на своем языке.

Мужчина обхватывает ее, жадно целуя ее разгоряченные губы, и снова валит в смятые простыни, грубо подминает под себя, и начинает толкаться в ее тело жестко и сильно, по-первобытному дико, беспощадно, на грани боли, так, как ей хочется, так, как она жаждет. Клэр кричит и стонет, извиваясь, вцепляясь ногтями в его скользкие от пота плечи, теряя от захлестывающего ее разум наслаждения последние мысли и всяческую стыдливость. Ей кажется, что он превратился в огромного змея, стискивающего ее своими кольцами, ласкающими каждую частичку ее полыхающей кожи.

- Еще, еще, еще! – вопит она, чувствуя, как надвигается что-то ослепительное, такое сильное и непередаваемо прекрасное, что болезнь растворяется в мощном приливе наслаждения, переходящего грань осмысленного удовольствия, и Клэр вопит, утопая во вспыхнувшем оргазме, бьется под телом Дракона, извиваясь и корчась, когда мягкие спазмы охватывают ее всю.

Она всхлипывает и плачет, не понимая, что все уже кончилось, содрогаясь от каждого прикосновения к ее коже, от каждого дуновения ветерка, освежающего ее горячие губы, и до ее сознания не сразу доходит, что Дракон поглаживает ее влажный лоб и обнимает ее, дрожащую, напуганную, и шепчет:

- Ну, все. Уже все, сладкая моя.

Клэр задремала; вероятно, проклятый Дракон загипнотизировал ее, убаюкал тёплыми прикосновениями рук, да только девушка вдруг провалилась в сон, неглубокий, зыбкий. Она лежала у Дракона под боком, свернувшись клубочком, прижавшись к его горячему телу, и слу-

шала его дыхание - спокойное и глубокое, - и биение сильного сердца. Ощущение того, что она задремала рядом с огромным и сильным животным, не покидало ее. Может, в том виновато тепло, окутавшее ее, а быть может, какая-то древняя магия выдавала теперь его истинное обличье. Клэр, касаясь ладонями теплой гладкой человеческой кожи, чувствовала, как под ней перекачиваются огромные мускулы огромного змея... Или это только снилось ей?

Пробуждение было внезапным и резким. Вот она ещё дремлет в смятых простынях - а вот уже сидит, потирая заспанные глаза. Дракон неспешно одевался. Клэр застала самые последние его приготовления к выходу. Он уже полностью облачился в свои зловещие пестрые шелка и теперь застегивал узкий ворот, отправлял широкие рукава. Он отыскал даже пояс и перепоясался, пригладив шелковые алые кисти.

На миг Клэр стало страшно; ей показалось, что дракон впал в священный транс, стал похож на призрака. Его черные глаза были пусты и мертвенно-спокойны, он приводил свою одежду в порядок неспешно, неторопливо, движения его были плавными, и Клэр отчего-то подумалось, что он размышляет, что же теперь сделать с нею - после того, как наслаждался ее телом, наигрался, натешил свою жажду.

Она испуганно прикрылась остатками своей одежды и шелковым покрывалом, когда он перевел на нее остановившийся, неживой взгляд.

- Никуда не ходи, - велел он безликим, безразличным голосом. - Тебе не стоит видеть того, что сейчас произойдет.

Клэр вспыхнула; на языке у нее вертелись ехидные слова о том, что она не трепетная девица, и вид мертвых тел и казни не смутил бы ее, но она отчего-то смолчала. Дракон, лишь заглянув в ее заалевшее лицо своим безжизненным взглядом, качнул головой, и повторил:

- Не ходи. Не смотри. Я скоро приду. Жди.

Он раскрыл свой веер - на алом шёлке, в складках которого прятались металлические острые пластины, стала проступать темными неряшливым пятнами запекшаяся кровь, - и закрыл им лицо, чуть обмахиваясь, словно ему вдруг стало душно. Но Клэр отчего-то подумалось, что Дракон принюхивается к запаху крови, и ей стало по-настоящему жутко. Что она знала о нем? На что он способен? Куда пошел? Вероятно, все же Драконы едят людей - а палуба сейчас усеянная мертвыми телами? От этих мыслей Клэр бросило в жар, она молча кивнула и опустила взгляд, лишь бы только не видеть его страшного, немигающего взгляда.

Он вышел, осторожно и тихо прикрыв за собой двери, и Клэр подскочила, заметалась по каюте, лихорадочно отыскивая хоть какую-нибудь одежду, чтоб прикрыть свою наготу. Кто знает, куда и зачем пошел Дракон? Быть может, сейчас он вынесет ей приговор и вытащит из каюты, чтобы повесить на рее? В этом случае не хотелось бы, чтоб ее протащили голой мимо зевак, отпускающих сальные шуточки про ее задницу, в последние-то минуты ее жизни!

Неплохо вообще было бы найти хоть какую-нибудь сорочку - ее собственная пришла в полную негодность. Штаны были целы, но лишены пояса, а потому сваливались и болтались на Клэр мешком... Лихорадочно копаясь в каких-то сундуках, Клэр находила лишь лёгкие шелка, и эта бесполезная роскошь, веселые нарядные тряпки, приводили ее в бешенство. Неужто чертов мальчишка, этот гладкий пижон, не носит ничего, кроме этого?! Ни теплого камзола, ни крепких полотняных рубашек?

А потом Клэр вспомнила, какая горячая у него кожа, и покраснела, припоминая прикосновение его ладоней на внутренних сторонах своих бедер. Его касания были обжигающими; зачем ему теплое белье?... Живот ее дрогнул, она словно ощутила движения его члена в своем теле и даже заскулила, присев - настолько эти ощущения были яркими и сильными.

- Наваждение какое-то, - простонала она, снова и снова переживая сладкие спазмы от одного только воспоминания о том, как ласкает Дракон.

Кое-как отыскав более-менее понятную вещь - длинный черный шелковый халат с ярким алым рисунком, - она натянула его и крепко завязала пояс. Может, Дракон и был худощавым,

но Клэр утонула в его вещи, которая оказалась ей слишком велика. Халат всё ещё хранил запах его тела и сладких благовоний. Они теплым облаком окутали Клэр, и девушка вновь задохнулась от нахлынувших на нее воспоминаний, тревожащих, сладких, на миг представив себя в его объятьях. Ей показалось, что это не шелк, а его ладони вкрадчиво скользнули по ее плечам, его черные волосы коснулись ее щеки...

"Безумие какое-то! - сердито подумала Клэр, стараясь отогнать, вышвырнуть из своей памяти его образ, всплывающий снова и снова. - Сейчас он явится, схватит меня за волосы и выволочет на палубу..."

Она прислушалась; за тонкими дверями стучали молотки, слышались негромкие разговоры.

«Мастеря что-то, - подумала Клэр, с тревогой прикивая к щели, вслушиваясь в обрывки разговоров. – Помост? Будут отрубать пленным головы?»

Уходя, Дракон оставил ей саблю, и теперь, услышав стук молотков, увидев в щелку в двери непонятные ей приготовления, Клэр отыскала ее и крепко сжала руку на рукояти. Против Дракона это оружие не поможет; Клэр это вспомнила, обнаружив на полу обломки ножа, которым она пыталась убить Дракона. Но все равно с оружием ей было спокойнее.

Сердце ее бешено забилося, когда она увидела, как ведут остатки ее команды – связанных, понурых людей. Их осталось не так много, и Клэр с облегчением увидела, что врач уцелел. Добрый старый друг! Ее сердце заболело, заныло от жалости, когда она разглядывала его – посеченного в бою, в разодранной и окровавленной сорочке. Бедняга! Он так хотел помочь ей, вылечить своего капитана, и эта искренняя верность привела его на край гибели!

Клэр крепче сжала саблю, изо всех сил толкнулась в дверь, намереваясь вывалиться на палубу и накинуться на охраняющих ее людей драконьих слуг, но дверь оказалась заперта. Закрыл! Мерзавец, подлец, ящерица летучая, закрыл! Она забарабанила кулаком по дверям, чуть не отшибла ладонь, стуча, но никто ее не услышал. Или услышал – но выпускать не спешил.

- Мерзавец! – рычала Клэр, вонзая саблю в замок на дверях. Надо же, на ключ запирается... Пыхтя, она налегала на свое оружие, стараясь раскурочить механизм.

Если Дракон задумал казнить ее команду, то ее место рядом с ее людьми!

То ли сабля была крепка, то ли замок хрупок, но при очередном нажиме он вдруг звякнул и открылся. От толчка двери распахнулись, и Клэр с видом убийцы вывалилась на палубу, стискивая на груди шелковый халат, норовящий распахнуться от порыва ветра.

Она была не права; ее плененной команде ничто не угрожало.

Связанные, простоволосые – всех принудили снять головные уборы, - они сидели, сбившись вместе, и смотрели на последние приготовления.

Люди Дракона готовились хоронить мертвецов. Всех вместе – и своих павших, и пиратов. Драконы верят, что души уходят в небо, а потому тела моряков надлежало сжечь. Всех замотали в белые саваны и спустили на плоту в волнующееся море.

Дракон, стоя поодаль, наблюдал за этими приготовлениями. Он скрестил руки на груди, обхватив себя за плечи, словно его знобило, и исподлобья смотрел на покачивающийся плот, где укладывали мертвецов. Каждого он проводил взглядом; его длинные черные волосы стлались по ветру, полы и широкие рукава легкой одежды развевались. Когда он шагнул на борт, ступив на тонкую перегородку, отделяющую его от моря, и чуть покачнулся, Клэр вскрикнула, потому что ей показалось, что он поскользнулся и рухнул за борт.

Но тотчас в небо взвился алый дракон с испещренной черными узорами чешуйчатой кожей. Его долгое гибкое тело вилось над водой, черные крылья, поднимая настоящий ураган, били по воздуху. Взревев, Дракон поднялся выше, так высоко, что поднялся почти до самого солнца; за его полетом наблюдала и его команда, и оцепеневшие от благоговейного ужаса пираты, никогда не видевшие подобного чуда. В вышине он набрал полную грудь холод-

ного морского воздуха и, сложив крылья, камнем упал вниз, извергая раскаленную добела струю пламени.

Словно гибкий хлыст, ударила она в плот с мертвыми телами, которые сгорали моментально, ярко, светясь, как раскаленный металл в горниле.

Дракон выказал свое уважение, и оказал честь, лично похоронив всех разом.

В этот момент Клэр со стыдом поняла – нет, прочувствовала всем своим сердцем, - что Драконы не едят людей. И, вероятно, никогда даже не пробовали их есть. В молчаливом суровом ритуале Дракона было больше уважения, чем у иных верноподданных к их почившим королям.

Сделав свое дело, он распахнул крылья и тонкой изящной стрелой промчался над притихшими волнами, оставляя после себя горящий островок в кипящих морских водах.

Расширенными от страха глазами Клэр смотрела на то, как летающий ящер, размахивая крыльями зависает над палубой – поднятым ветром едва не сбивает с ног капитана, и тот крепко упирается ногами в палубу, обеими руками держит на голове шляпу, - и ступает на деревянный помост уже человеком, одергивая одежду, откидывая с лица растрепавшиеся черные волосы. Его лицо по-прежнему было пугающе – спокойным, и Клэр с коротким вскриком кинулась обратно в спасительную каюту, захлопнула дверь и отступила вглубь комнаты, не в силах отвести взгляда от дверей, за которыми все ближе и ближе звучали шаги Дракона.

Он вошел так же неспешно и тихо, как и вышел; глаза его уже не блестели стеклянным неестественным, и Клэр вздрогнула, когда он шагнул прямо к ней, забившейся в угол.

- Боишься меня теперь? – спросил он спокойно и утвердительно, рассматривая ее перепуганное лицо.

От него пахло пожарищем, горьким дымом, и Клэр не сдержалась – часто-часто закивала головой, глядя в его зачаровывающие черные глаза.

- Боюсь, - шепнула она, трясась, как осиновый лист.

Раньше она никогда не видела драконов; они существовали для нее только в сказках. Мощь, которую она увидела, трудно было даже вообразить, и Клэр едва не рассмеялась над собственной глупостью. Она собиралась ловить Дракона сетью... обиралась убить... Да он уничтожил бы их всех одним плевком!

- Не бойся, - произнес он, требовательно протянув руку. – Иди сюда.

Его голос завораживал, заставлял страх утихнуть. И Клэр почувствовала непреодолимое желание подчиниться, вложить руку в протянутую ей ладонь и шагнуть ближе.

- Иди, - повторил Дракон чуть настойчивее, и Клэр, вся дрожа, сделала этот шаг.

Его руки скользнули по ее плечам, стаскивая пестрый шелк, Дракон яростно рванул свою вещь, стаскивая ее с девушки, и осторожно, чуть касаясь, провел ладонями по ее обнаженным плечам, обласкал ее часто вздымающуюся грудь.

- Не бойся меня, человеческая самка, - произнес он, поглаживая ее острые соски так нежно и чувствительно, что Клэр не сдержала вздоха, полного удовлетворения. – Я не ем людей. Особенно - самок.

Он сжал ее покорное тело в своих объятьях и поцеловал. От его губ пахло горьким дымом пожарища, и Клэр снова вздрогнула от страха, но он не позволил ей отстраниться. Он целовал и целовал ее до тех пор, пока у нее не закружилась голова, пока не подкосились ноги и она упала – в его объятья, укачивающие ее нежнее колыбели. Удерживая ее на руках, он все целовал и целовал ее, словно хотел напиться свежего морского ветра, который вымывает из его длинных волос запах гари.

- Время долгой и неторопливой любви, - произнес он, опуская Клэр в постель и прижимаясь лицом к ее подрагивающему животу. – Я буду любить тебя долго, дикарка. Ты манишь меня, ты притягиваешь своим спелым запахом и своим огнем. Я хочу послушать твой голос, когда тебе станет хорошо. Я хочу видеть тебя, когда тебе станет хорошо...

Запахло благовониями, прогоняющими резкий неприятный запах гари, дрогнули лепестки пламени над свечами, и Клэр почувствовала, как головокружение снова уносит ее в сладкое небытие, наполненное приятными ласками. Склоняясь над ее телом, Дракон целовал ее живот, любовно оглаживая округлые бедра, и Клэр чувствовала, как ее дыхание становится все глубже и медленней, когда его язык коснулся меж ее ног, провел по мягким губкам и жестко погладил клитор.

- Моя самка, - произнес он, куснув ее в мягкое бедро – и тут же поцеловав укушенное место. – Я пометил тебя. Ты пахнешь мной. Ты всегда будешь моей самкой.

Глава 6. Ночь страстей

В этот момент Клэр отчетливо, как никогда, поняла свое положение.

Да, она была капитаном пиратов; да, они грабили корабли, принадлежащие Драконам, и убивали их команды. Дракон выследил их и уничтожил угрозу, ее команду ждет суд, и вероятно, казнь, а она – она добыча Дракона. Он ее повелитель; он взял ее себе, ни у кого не спрося, как военный трофей. Присвоил; захотел обладать ею, и не спросил ее мнения. Не увидел пирата – увидел женщину, и никто не посмел сказать слова против, отнять, попытаться убить, повесит на нее, как она того заслуживала. Желания Дракона не оспариваются.

- Почему, - шепнула Клэр, когда Дракон опустил на нее всем телом, прижался к ней, мягко целуя ее подрагивающую шею, - почему ты не сжег нас сразу? Ты же мог... мог подняться в небо и просто сжечь наш корабль... Я видела...

Видения полыхающего плота вынырнули из памяти, Клэр содрогнулась, и Дракон сердито засопел, куснул ее в плечо острыми крепкими зубами, чувствительно, так, что она вскрикнула.

- Я так захотел, - резко ответил он. Ему неприятно было, что она увидела – и испугалась. Животным чутьем он ощущал ее смятение, ее страх, ее отдаление от него, потому что ее варварский разум, привыкший к страшным сказкам о Драконах, не мог так просто принять увиденного.

- А я? – шепнула Клэр, нерешительно обнимая Дракона, проводя ладонями по его напряженным плечам. – Зачем тебе я?

- Зачем мужчинам нужны женщины? – удивился Дракон, отстранившись на миг от девушки и заглядывая в ее глаза. - Чтобы любить.

Она хотела спросить что-то еще, но он не дал ей такой возможности. Его пальцы коснулись ее щеки, поворачивая ее лицо к его лицу, его губы страстно накрыли ее губы, и последний вопрос стерся из ее памяти.

Дракон неспешно, нежно пил ее дыхание, лаская ее губы, проводя по ним языком так умело, так чувствительно, что девушка таяла точно так же, как воск в оплывающих свечах. Он нашел ее ладонь, и пальцы их любовно переплелись, так, словно делали это сотни раз, словно их руки привыкли ласкаться друг к другу. Клэр дрожала, подчиняясь неспешным движениям его нежных пальцев, завораживающим поцелуям, которыми он покрывал ее лицо, ее шею. Странно было думать, что то чудовище, дышащее огнем, что летало над океаном в облаках кипящего пара и дыма, сейчас лежит рядом с ней – и ласкается к ней, как самый нежный в мире любовник.

«Да он душу мою пожирает, - почти с отчаянием подумала она, поняв, что от этих неспешных ласк разгорается, объятая жадой близости. – Он овладевает моими чувствами, моими мыслями, он становится мной... или я становлюсь его частью».

Каждое прикосновение скользящих по ее телу рук становится невыносимо приятным – и невыносимо болезненными даже недолгие мгновения, когда он отстранялся. Клэр чувствовала, что ее разрывает надвое, и со стоном прикивала к его телу, чтобы восстановить утраченную связь, продлить нежность, передающуюся через осторожные приятные касания. Он снова прикивает к ней, и Клэр в который раз кажется, что ее обнимают бесконечные кольца змеиного сильного тела, неспешно поглаживающие ее кожу, ласкающие ее всю, со страстью сжимающие ее с головы до ног. Это страшно, но так приятно; смесь опасности и нечеловеческой, дикой страсти приятно тревожит воображение, обостряет чувства. Клэр долго, протяжно стонет, когда ей кажется, что одно из этих колец бессовестно скользит меж ее ног и трется, трется в самом чувствительном месте, прижимаясь к влажной коже. Клэр раскрывает глаза, и навязание пропадает; чуть касаясь, рука Дракона поглаживает ее меж покорно разведенных ног.

Склоняясь над ее грудью, Дракон по очереди целовал остренькие соски. Клэр с восторгом и ужасом чувствовала, как его длинный, как у змеи, язык, шероховатый и сильный, обвивается вокруг ее соска и потирает, так сладко и неспешно, так нежно касаясь чувствительной вершинки, что Клэр забывает о страхе и отдается во власть острого наслаждения. Она постанывает, выгибаясь навстречу его ласкам, и вскрикивает, когда его острые ногти чуть прижимают второй ее сосок. Страх ледяным холодом пробегает по ее нервам, и тут же сменяется жаром желания, когда острый ноготь вкрадчиво, тонко поглаживает чувствительную кожу, обводит темную ареолу, а затем ладонь обнимает приятную округлость – жадно, грубо стискивая ее.

Его голодные губы ласкают и ласкают ее грудь, он стискивает девушку, прижимаясь лицом к ее теплому телу, и она постанывает, жалобно, умоляюще, потому что желание пожирает ее, затмевает разум, а он не торопится ее взять.

- Пожалуйста, - шепчет она, вновь закрывая глаза, чтобы вернуть ощущения скользящего по ее горячей коже долгого змеиного тела. – Возьми меня, пожалуйста...

Он уступает ее просьбе; казалось, он ожидал этих слов, ее нетерпения и мольбы. Опускаясь на девушку всем телом, он разводит ее ноги шире и поглаживает меж ними ладонью, вслушиваясь в ее нетерпеливую дрожь.

Первое его проникновение такое резкое и сильное, что Клэр вскрикивает под ним и выгибается тугим луком, прижимая к его телу еще крепче. Он гибко повторяет движение ее напряженного тела, следует за ним, вжимаясь в ее раскрытые бедра как можно сильнее, заставляя ее почувствовать его нетерпение, его болезненное желание обладать ею. Он напряжен, и Клэр вдыхает воздух мелкими глоточками, потому что ей кажется – еще немного, и ее разорвет его жесткая плоть. Он подхватывает Клэр, просовывает руку ей под поясницу, и толкается в ее тело еще раз, отрывисто, сильно и резко, жестко, грубо, снова заставив ее вскрикнуть и выгнуться, принимая его.

Клэр дрожит, балансируя на этой точке напряжения, чувствуя, как острое наслаждение перемешивается со сладкой болью. Ей хочется отодвинуться, чуть свободнее вздохнуть, но он укрощает ее, как строптивое животное, настойчив повторяя глубокие проникновения, массируя в глубине ее тела чувствительные точки, отчего Клэр кричит, извиваясь. Ее глаза широко раскрыты, но она не видит ни темного потолка над своей головой, ни склонившегося над ней Дракона, с жадностью всматривающегося в ее черты, отмечающего каждое, самое легкое, самое незначительное чувство, выписывающееся на ее лице.

- Еще? – спрашивает он, хотя наверняка знает ответ. Клэр, блаженствуя, не отвечает. Ее ресницы опускаются, скрывая блестящие глаза, щеки разгораются, и Дракон продолжается двигаться, глядя, как невероятное блаженство выписывается на ее лице. Удовольствие прорастает теплом в ее теле, Клэр третя затылком о мягкую постель, стараясь отодвинуть, отсрочить приближающийся пик наслаждения, но он не дает ей расслабиться, отстраниться от ощущений.

Толчки его члена в ее тела неспешны, отрывисты и сильны, и от каждого она выгибается дугой, и опадает без сил в постель. Удовольствие пронзает ее тело, унося сознание прочь, и он снова целует ее горячие губы, похищая еще кусочек ее души. Клэр обнимает его напряженное тело коленями, раскрываясь под ним, делая себя еще более доступной. Движения его над нею становятся плавными и мягкими, проникновения – легкими, почти нежными. Два влажных тела, ласкаясь, движутся неторопливо, мягко, отливая золотом в свете свечей.

Они то ускоряют темп, становясь еще больше похожими на гибких ласкающихся змей, то почти замирают, дрожа на последнем краю перед оглушительным наслаждением, переживая остроту ощущений, крепко сплетая объятья. Никто не хочет, чтобы все закончилось так быстро. Оба хотят продлить эту ночь с ее неторопливым любованием, с тонкими ласками, оба хотят насытиться друг другом, напиться эмоциями и чувствами через край, досыта.

- Сладкая моя, сладкая...

...Дракон забывает о других наложницах, даже о той, новенькой, которая еще не успела наскучить. Дерзкая грубая пиратка, извлеченная из ее защитной шкурки, оказывается нежной и податливой, как мякоть самого вкусного ореха. Она влечет и манит к себе, в ее глазах читается дерзость, которую может стереть только наслаждение, и Данкан не выдерживает ее насмешливого взгляда из-под ресниц. Он прикидается к ее губам надолго, лаская ее нежный язык своим языком, и толкается в ее узкое лоно быстро и сильно, так сильно, что девушка начинает постанывать. Ее разнеженному блаженству приходит конец, и наслаждение, которое они так долго отодвигали, накатывает на нее, заставляя хрипло стонать и извиваться под ним. Он крепко прижимается к ее животу, не выпускает, повторяя каждое ее движение и продолжает толкаться в ее лоно, продлевая ее наслаждение. Чувствуя трепет ее горячего нутра, снова ускоряет движения, и Клэр, только кончившая, ощущает, как снова поднимается на волнах удовольствия выше и выше, к ослепительной вспышке. Она кричит, вцепляясь ногтями в его плечи, извивается, но он не останавливается, и она снова кончает, бьется под его телом, как рыбка.

Движения его снова становятся плавными, неспешными. Он подхватывает ее ногу под колено, поднимает ее повыше, делая женщину еще более открытой для его проникновений. Клэр беспомощно постанывает, ее глаза глядят умоляюще, но Дракон не прекращает сладкую пытку. С головой погружаясь в удовольствие, которое доставляет ему ее упругое тело, он позволяет себе проявить слабость. Наслаждение выписывается на его лице так красноречиво, что он закрывает глаза, закусывает губы и утыкается в рассыпавшиеся по постели волосы Клэр, продолжая свои нетерпеливые движения, вслушиваясь в откровенный стоны девушки.

Страсть разгорается в разуме Клэр огненными цветами, ее тело становится неожиданно сильным, настолько сильным, что она сталкивает с себя Дракона и оказывается сидящей на нем сверху.

Эта маленькая шалость заводит девушку еще больше, равно как и покорность мужчины и его кажущаяся беспомощность. Небольшая, совсем недолгая власть над опасным и сильным существом... Он осторожно обнимает ее бедра, почти с трепетом, словно умоляя ее продолжать движения, не останавливаться, и Клэр движется, мягко и гибко, соблазнительно извиваясь в его руках. Он оглаживает ее бока, плоский животик, обнимает за талию, откровенно любуясь женщиной.

Теперь она чувствует его нетерпеливую дрожь, чувствует, как напрягаются его мышцы, когда наслаждение готово наступить ослепительной вспышкой. Ей нравится дразнить его, она, посмеиваясь, замедляет свои движения, и он отвечает ей слабым стоном. Клэр продолжает двигаться, насаживаясь на член Дракона, и он нетерпеливо подается вперед, к ней, желая получить еще больше удовольствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.